

Р
УССКИЕ В ГРУЗИИ

НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

А ВЫ ТРОЙНЫМ ЛЕТАТЬ МОГЛИ БЫ?

ВИКТОР САНЕЕВ

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
А ВЫ ТРОЙНЫМ ЛЕТАТЬ
МОГЛИ БЫ?

ВИКТОР САНЕЕВ

Тбилиси
2020

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах речки Пресни близ Москвы заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия стала настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –

Международный культурно-просветительский Союз

«Русский клуб»

Руководитель проекта –

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,

заслуженный артист РФ

При финансовой поддержке: **РОССОТРУДНИЧЕСТВА**

© **Русский клуб. 2020**

ISBN 978-9941-8-2797-6

Победный прыжок

Имена чемпионов Олимпийских игр навсегда остаются в истории спорта и страны. Завоевать это звание два раза подряд – невероятно трудно. Трижды – маловероятно, практически невозможно.

Виктору Даниловичу Санееву, самому выдающемуся атлету Советского Союза, это удалось. Он – чемпион трех Олимпиад за двенадцать лет.

Если говорить строго, то он не

трехкратный олимпийский чемпион, какие бывают, например, в плавании или гимнастике, где один и тот же спортсмен выступает сразу в нескольких видах, а победитель трех Олимпийских игр подряд.

А если говорить совсем честно, то все спортсмены точно знают – Московскую Олимпиаду выиграл именно Виктор Санеев, хотя и получил «серебро».

Открытие Московской Олимпиады

«ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ ЗАСЛУЖИВАЕТ ИМЕННО ОН»

В успехе Виктора Санеева на Московской Олимпиаде, честно говоря, многие сомневались. Для большого спорта он уже староват – ветеран, через три месяца стукнет 35. Сухожилия, мышцы и суставы в ужасном состоянии. Незадолго до состязаний перенес очередную операцию.

За три недели Санеев смог про-

вести всего лишь три тренировки – настолько сильно болела нога.

А еще – два года назад ушла из жизни его мама, самый дорогой человек в жизни. Виктор так и не смог смириться со страшной утратой.

В 1976 году, отвечая на вопрос, сможет ли Санеев стать олимпийским чемпионом в четвертый раз, самые близкие его люди отвечали весьма осторожно: «Если в тройном прыжке не произойдет революции, и он останется на уровне 17 метров 50 сантиметров, то через четыре года Санеев сможет ставить себе задачу выиграть еще одни Олимпийские игры» (Игорь Тер-Ованесян, товарищ по сборной страны); «Я думаю, что он будет бороться, если, конечно, не

помешают травмы» (супруга Яна); «Выиграть еще одну Олимпиаду?.. Ну... Я скажу так – если он будет здоров, то выиграет» (Витольд Креер, тренер).

Креер убеждал Санеева, что ему не нужно претендовать на участие в Московской Олимпиаде – лучше самому отказаться и уйти непобежденным трехкратным олимпийским чемпионом.

«В меня никто не верил – ни тренер, ни коллеги, ни спортивные чиновники. Я остался один. Но со мной был Бог», – признавался спортсмен...

В июле 1980-го на «Лужники» ему пришлось приезжать еще до начала Олимпиады, и не единожды – репетировали церемонию возжигания олимпийского огня. Виктор Санеев, самый титулованный действующий спортсмен страны, дол-

В. Санеев передает олимпийский огонь С. Белову

жен быть открывать Олимпийские игры. Но эти репетиции выбивали из колеи, отнимая очень много эмоциональных сил. «Я еще не выходил на старт, а как будто уже два раза выступил на Московских Олимпийских играх, – рассказывал Санеев. – Если бы была возможность все переиграть, я бы отказался от участия в церемонии открытия ради того, чтобы лучше подготовиться к своему выступлению».

Москва, 19 июля 1980 года. Открытие Олимпиады.

На Большой спортивной арене «Лужников» с олимпийским огнем в высоко поднятой руке появляется легенда мирового спорта – Виктор Санеев. Он бежит по дорожке под громовые овации тысяч зрителей на трибунах и сотен лучших спортсменов мира, выстроившихся на поле. Все – в радостном возбужденном ожидании: сейчас великий спортсмен поднесет огонь к олимпийской чаше...

Но, как оказалось, за несколько дней до открытия Московский горком КПСС, по словам Санеева, принял категорическое решение: высокая честь должна быть доверена не уроженцу Грузии, а спортсмену из России.

Трехкратный олимпийский чемпион остановился перед лестницей, ведущей к чаше, и передал пламя баскетболисту Сергею Белову, олимпийскому чемпиону 1972 года. Взволнованный Белов вместе с факелом крепко ухватился за палец Санеева. Виктор с трудом высвободил руку, стараясь, чтобы

пламя не попало ни на него, ни на Белова – об этой опасности организаторы предупреждали особо...

Финальные соревнования в мужском тройном прыжке начались 25 июля в 7 часов вечера на главной арене Олимпиады.

Сразу же обозначились четыре претендента на победу: Виктор Санеев, Жоао Карлос ди Оливейра из Бразилии (на тот момент – мировой рекордсмен с результатом 17,89), эстонец Яак Уудмяэ, товарищ Санеева по сборной, и австралиец Ян Кэмпбелл.

После достаточно скромных первой и второй попыток страсти до предела накалились на третьей.

Попытка Кэмпбелла не была засчитана из-за сложных правил тройного прыжка – «нарушения фазы полета». Уудмяэ, которого никто не считал серьезным претендентом на призовое место, неожиданно улетел на 17,35. Оливейра – 17,22. У Санеева – 17,04.

Четвертую попытку все завалили, в пятой – никто не улучшил результатов, кроме Санеева – 17,07.

И вот – шестая попытка. Чемпионом мог стать любой из четверки лидеров. Но всем было давно известно: все решит последняя попытка Санеева. Он обладал феноменальной способностью собраться перед последним прыжком, был его асом, королем и очень часто триумфально побеждал именно так.

Напряжение было невероятным.

Оливейра и Кэмпбелл – попыт-

Шестая попытка

ки не засчитаны, Уудмяэ – 17,28.

Санеев готовится к прыжку. С огромной скоростью дует встречный ветер...

Надо сказать, что ветер – это рок легкоатлетов. Порой он совершенно неожиданно меняет исход состязаний и может принести как победу, так и поражение.

Специалистам известен знаменитый случай на XVI Олимпийских

играх в Мельбурне. Из-за встречного ветра в предварительных попытках ни один метатель копья не преодолел рубеж в 80 м. Перед финалом лидировали поляк Януш Сидло и советский атлет Виктор Цыбуленко. Но во время первой финальной попытки норвежца Эгиля Даниэльсена, который попал в финал только шестым, ветер внезапно стих на несколько секунд. И Эгиль успел послать копье на 85 м 71 см. Он установил мировой рекорд и стал олимпийским чемпионом. А после его броска ветер задул с прежней силой, и ни один из участников не смог улучшить своих результатов.

Такого счастья, как норвежцу, на московской Олимпиаде Санееву не выпало...

Ветер дул в лицо, не переставая. Судья предложил переждать, но спортсмен уже настроился на прыжок...

Он разбегаются и прыгает. И – 17,24! Серебряная медаль!

На пресс-конференции бронзовый призер Олимпиады Оливейра сказал: «Жаль, что золотая медаль досталась не мне. Но лучше бы она досталась Санееву. Поздравляя моего друга Яака, хочу ему сказать: «Ты хороший атлет, но первый в мире и среди нас всех – он, Санеев. Золотой медали заслуживает именно он». – «А как относится к этому заявлению олимпийский чемпион?» – спросил кто-то из журналистов. – «Я согласен с Оливейрой, – ответил Уудмяэ. – То, что сделал Санеев, никто из

нас повторить не сможет. Если бы в последней попытке ветер хотя бы стоял на нуле, выиграл бы Санеев. Он прыгнул на 17,24 с жутким встречным ветром. А при нуле это было бы 17,40-17,50. И это была бы заслуженная победа».

Спустя несколько лет Санеев случайно наткнулся на кинограмму победного прыжка Яака Уудмяэ в Москве. Посмотрел и остолбенел, не поверив своим глазам: эстонец победил с заступом – это отчетливо видно на кинограмме...

Вообще, эхо тех олимпийских состязаний долго не утихло. Да и по сей день не стихло.

Так, известный фотограф и журналист Юрий Рост подверг сомнению победу эстонского легкоатлета. По мнению Роста, результат Уудмяэ натянули судьи. «Я снимал эти соревнования. И на моем фотоаппарате видно, что Санеев в финальной попытке прыгнул дальше всех. Но еще раньше наши судьи натянули чемпионский результат Яаку Уудмяэ, – говорил Рост в интервью газете «Спорт-Экспресс». – Любой профессионал знает, что реально, а что – нет. Эстонец сроду не прыгал так далеко. 17,35 – его личный рекорд, к которому он не приближался ни до, ни после».

Бразильцу Оливейре из-за заступа не засчитали прыжок, когда он улетел очень далеко. В том, что заступ действительно был, сомневается и сам Санеев.

Австралийцы уверены, что Ян Кэмпбелл (в Москве он стал четвертым) в третьей попытке не на-

рушал правил и приземлился на отметке 17,51.

Но в главном все единодушны: Виктор Санеев – достойнейший из достойных, величайший прыгун всех времен и народов, абсолютный чемпион в тройном прыжке. Его величие – выше всех сомнений.

А тогда, на московской пресс-конференции, Санеев вошел в зал, подошел к микрофону и, не дожидаясь вопросов, сказал: «Сегодня вы видели мое последнее выступление. Я закончил свой путь в спорте».

В зале воцарилась мертвая тишина. Все молча смотрели на великого спортсмена – победителя трех олимпиад, трехкратного мирового рекордсмена, двукратного чемпиона Европы, шестикратного чемпиона Европы в помещениях, восьмикратного чемпиона СССР, кавалера орденов Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов. Он выиграл абсолютное большинство соревнований, в которых участвовал, и никогда не оставался без медали.

Тяжело было осознавать, что час назад Виктор Санеев совершил свой самый последний прыжок.

«О чем вы думали перед последним прыжком?» – нарушил всеобщее замешательство один из журналистов. «О маме, – ответил Санеев. – Для меня это самый дорогой человек. Выходя в сектор, я думал о ней, и эти мысли наполняли меня силой».

Ксения Андреевна Санеева

КАК СТАНОВЯТСЯ НАСТОЯЩИМИ СПОРТСМЕНАМИ

В страшные годы разрухи братья Иван и Данила Санеевы покинули родную казачью станицу Сенгелевская, что под Армавиром Краснодарского края, спасаясь от голода. Иван с женой Ефросиньей уехал в Тбилиси, а Данила с Ксенией – в Сухуми.

3 октября 1945 года в семье «сухумских» Санеевых родился сын Виктор.

Время было послевоенное, и Санеевы, как и многие другие, жили трудно, небогато. У них был домик в две комнаты и крохотный сад. Кран и «удобства» – во дворе. Но Ксения была прекрасной хозяйкой, и дома царили идеальные чистота и порядок.

Неожиданно у отца обнаружили инфекционный паралич. Первые годы он еще мог передвигаться, но с большим трудом. А затем болезнь намертво приковала его к постели. Ситуация была ужасная: ум и память – ясные, человек мыслит, все соображает и понимает, а ноги не держат и руки не двигаются, все суставы поражены.

Данила Санеев мучался сам и осознал, что мучает родных. Однажды маленький Витя спросил у отца: «Ты хотел бы долго жить?» – «Нет, ни за что», – не раздумывая, с горечью ответил тот.

Не всякая жена вынесла бы такую ношу, иная, может быть, и отдала бы неподвижного мужа в дом для инвалидов. Но только не Ксения Андреевна Санеева. Она терпеливо заботилась о Даниле, разрываясь между домашними хлопотами и тяжелой работой – подстригала газоны в парках Сухуми, сажала цветы, стирала белье... А вечерами, для того, чтобы заработать лишнюю копейку, продавала семечки.

Витя, конечно, помогал маме как мог. Потом, спустя годы, во время расцвета спортивной карьеры, когда ему с восхищением говорили о том, что он – герой страны, Санеев про себя думал: «Вы просто не знаете моей мамы. Вот она – герой».

«Трудно было мне, очень трудно, – рассказывала Ксения Андреевна в 1976 году. – Не только мне тяжело приходилось, конечно, но и многим. Мучилась своими трудами... Сына воспитывала в строгости, так, как муж приказывал воспитывать – ни

разу не поцеловала, не пожалела, все на сердце держала. Вот какая я была... Спрашиваю его сейчас – Виктор, как ты ко мне? А он отвечает – спасибо тебе, мама, что строго меня держала. Все на сердце мне легло, вот оно теперь и колыхнется еле-еле».

«Может быть, ваш характер сформировался именно благодаря такому воспитанию?» – часто спрашивают Санеева журналисты. «А может, просто потому, что я казак?» – с улыбкой отвечает Виктор. И серьезно добавляет: «Воспитать характер, я считаю, трудно. Сформировать его можно только самостоятельно».

Ученик сухумской средней школы №8 страстно увлекался футболом. Да и какой грузинский мальчишка не увлекается этой игрой? «Была, правда, одна трудность, – писал Виктор Санеев в книге «Четвертая вершина», – у нас – дворовых футболистов – вечно не хватало мячей.

Витя Санеев

Первый тренер Акоп Керсеян

Зачастую мы играли в футбол теннисным мячом. Поверьте, это было очень непросто и требовало недюжинной техники (может быть, стоит порекомендовать это упражнение нашим футболистам, которых вечно упрекают в недостатках технической подготовки). До некоторой степени мячи нам заменяли консервные банки или старые чулки, набитые тряпьем, но заполучить настоящий мяч было вечной мечтой. Путь к осуществлению этой мечты был не совсем праведный, но единственный, так что выбирать не приходилось. Мы располагались за забором стадиона и терпеливо ждали, пока мяч не залетит к нам. Он сразу передавался стоящим наготове ребятам, которые быстренько заносили его в ближайший двор. Остальные как ни в чем не бывало продолжали играть у забора, и, когда над ним появля-

лась голова футболиста, вопрошающего, куда подевался мяч, мы, глядя на него кристально чистыми глазами, дружно отвечали, что ни о каком мяче не имеем ни малейшего понятия. Ясно, что футболисты нам ни капельки не верили, но мячи были у них казенные, и дальше суровых обещаний дело не заходило. После этого мы вели честный образ жизни в течение недели: именно на такой срок нам хватало одного мяча. А потом все начиналось сначала. Нам приходилось выслушивать постоянные жалобы матерей на то, что нас нельзя загнать домой делать уроки, и упреки за испорченную обувь, но такие жалобы, по-моему, слышали все ребята во все времена, и реакция на них тоже была одинаковой. Иногда, когда стадион пустовал, нам удавалось проникнуть на зеленое поле и тогда мы устраивали настоящие футбольные матчи. В то время одним из моих приятелей был Арчил Еркомаишвили, быстрый и верткий парень. Мы с ним составляли сдвоенный центр нападения (Пеле и Вава из сборной Бразилии сделали это на два года позже!) и были грозой вратарей».

Во время одного из матчей Виктор услышал, как его подзывает к себе Таисия Петровна Малыгина, директор школы. Рядом с ней стоял сухощавый мужчина с очень добрыми, слегка прищуренными глазами.

Это был Акоп Самвелович Керсеян, тренер по легкой атлетике, преподаватель Сухумской спортивной школы общества «Динамо».

Он родился в 1918 году в Сухуми.

Мастер спорта СССР. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Государственный институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта в Ленинграде. С 1947-го по 1949 год заведовал кафедрой лыжного спорта и альпинизма Государственного института физической культуры и спорта Армении в Ереване. С 1949 года работал в Сухумской детской спортивной школе в системе спортивного общества «Динамо». Кавалер ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны I степени, ордена «Знак Почета». Заслуженный тренер СССР. Скончался в 2004 году. В Сухуми ежегодно проводится легкоатлетический турнир его памяти.

– Акоп Самвелович, – спросил его много лет спустя Витольд Креер, – почему именно тройной по душе пришелся? Кажется, вы сами были средневиком.

– Всем я был. И на войне с танками воевал, и за «Лесгафт» эстафету по городу бегал. Еще футболистом был... Получил диплом, в Ереван приглашают. Да еще кем?! Заведующим кафедрой! А какой, и забыл спросить... Приезжаю в Ереван, говорят: «Лыжами будешь заниматься». Вот так раз! Ничего, и это освоил. Познакомился там с Арамом Тер-Ованесяном. Он преподавал легкую атлетику. Смотрел, как он тренирует. Через два года переехал в Сухуми. В 1949 году это было. И вот с тех пор тренер по всем видам легкой атлетики. И в школе учу. Двадцать лет прошло. А тройным так занялся. Самый старый рекорд Аб-

хазии в тройном прыжке был 12,71. Еще в 1933 году Семенов прыгнул. Обидно мне, что такой рекорд. Стал искать ребят, учить их тройному. Побили. Потом и за рекорд Грузии взялись. А однажды приходит мальчишка из села Гульрипш. Спрашиваю: «Что умеешь?» – «Могу весь стадион пропрыгать на одной ноге», – и глазами просит, чтобы разрешил. – «Ладно, – говорю. – Стадион не надо, а стометровку давай». И представляешь, Витольд, допрыгал босиком – по гаревой дорожке. Ну, ты его знаешь – Володя Чхеидзе. Потом и 15,92 прыгнул. Виктор появился по-другому... У меня было «окно», директор школы берет меня под руку: «Пойдем, дорогой Аколчик, я тебе покажу твоего будущего чемпиона. Здорово парнишка из четвертого класса прыгает». – «Там нечего смотреть, я с маленькими не работаю». – «Ничего, ничего, пойдем, я тебе покажу». Подходим к площадке. Стоит шупленький мальчик. Таких мальчиков много. «Как зовут?» – «Витя Санеев». Я говорю: «Витек, сделай один прыжок». Он разбежался. Бежит легко, свободно. Легко оттолкнулся, прыгнул. Взял я рулетку, замерил – 4,40. «Витек, а ты легкую атлетику знаешь?» – «А что там надо делать?» – «Бегать». – «А прыгать будем?» – «Обязательно». – «Я люблю прыгать». – «Будешь прыгать. Надо очень быстро бегать, чтобы далеко прыгать». – «Буду».

К этому времени и относятся первые, школьные, успехи Виктора: на состязаниях по пионерскому четырёхборью он прыгнул в длину на 4

Валерий Брумель

м 30 см – это первый официальный спортивный результат Санеева. Ему было 11 лет.

Но даже успех не вызвал желания заниматься легкой атлетикой всерьез. Санеев был не просто предан футболу – он не мыслил без него жизни и частенько пропускал занятия из-за того, что футбольный матч затянулся.

А вскоре мама отдала Виктора в интернат в Гантиади.

Ее решение было вынужденным. Отцу было настолько плохо, что уход за ним занимал все свободное время Ксении Андреевны. На сына не оставалось ни времени, ни сил...

Витя очень не хотел уезжать. Но ему пришлось смириться.

Поначалу было тяжело. Не раз он порывался сбежать, посылал маме десятки писем, полных отчаяния, просил забрать его из «казармы» и угрожал «что-нибудь сделать с собой». В конце концов, перепуганная мать не выдержала и примчалась в

Гантиади.

И тут выяснилось, что эти письма были, как признает сам Санеев, «блажью мальчишки, не желавшего признавать элементарного режима» – условия в интернате были хорошими. К моменту маминого приезда Вите уже расхотелось возвращаться домой. У него появились друзья, а главное – он начал играть в интернатской футбольной команде. Играл левого крайнего и, конечно, представлял себя знаменитым форвардом Михаилом Месхи – кумиром всех грузинских мальчишек. К тому времени 20-летний Миша Месхи еще не играл за сборную СССР, но уже вовсю блистал в тбилисском «Динамо» и даже успел прославиться своим неповторимым обманным движением, которое прозвали «финт Месхи».

За то, что Витя Санеев хорошо учился, особенно по математике, следует поблагодарить, как ни странно, его занятия футболом: во время контрольных работ тех учеников, которые первыми заканчивали решать задачи и примеры, учитель отпускал из класса. Поэтому Виктор быстро писал контрольную (причем в двух экземплярах – один для учителя, а другой – одноклассникам для списывания) и сломя голову бежал на футбольное поле. С мячом он не расставался ни на мгновение: ночью держал его у кровати, а в школе – под партой.

Постепенно спорт, не только футбол, начинал играть в его жизни все более серьезную роль и, возможно, незаметно для самого Виктора, ста-

новился самым главным увлечением.

Свой вклад в этот процесс внес и директор интерната Нестор Алексеевич Герия, который очень любил спорт, хорошо в нем разбирался и даже занимался с Виктором легкой атлетикой.

Любопытный факт: Нестор Герия был одним из первых основателей школ-интернатов в Абхазии, и в 1930-х годах у него учился первый тренер Санеева Акоп Керселян.

Однажды Виктор узнал, что интернатовцы будут участвовать в республиканских состязаниях в пионерском четырехборье в Сухуми. Ему так захотелось повидаться с мамой, что он на время забыл про футбол, вспомнил уроки Акопа Самвеловича, начал тренироваться (в этом ему и помог Герия) и был зачислен в команду интерната.

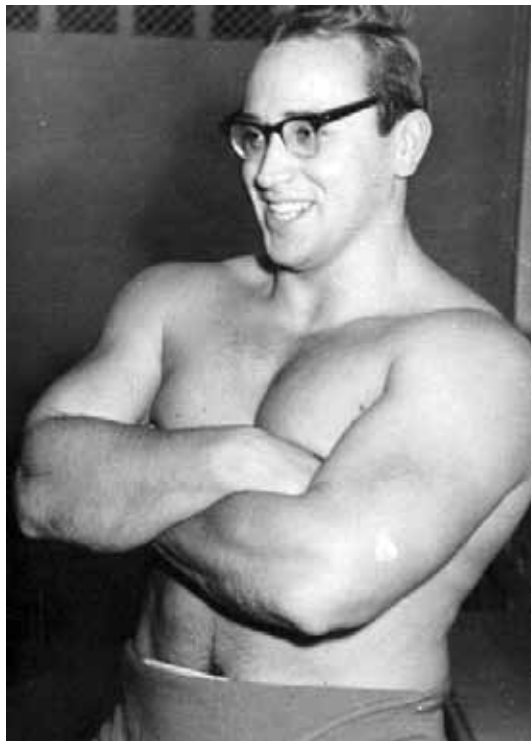
В Сухуми он выиграл соревнования в прыжке в длину (4,50) и стал призером в беге на 60 метров (8,4 сек). Надо ли говорить, как счастлива была мама, любовавшаяся сыном сидя на трибуне!

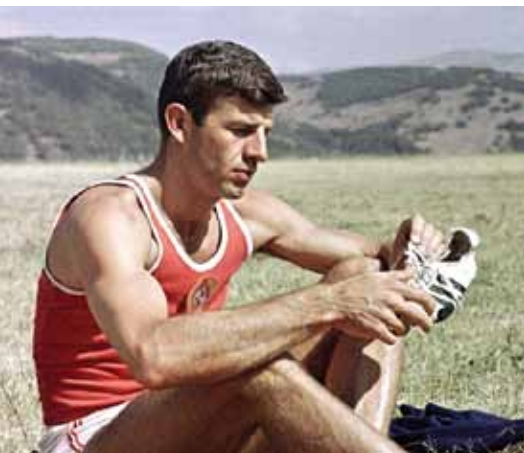
Виктор вернулся в Гантиади, сразу же возобновил футбольные тренировки и, скорее всего, сохранил бы верность самому любимому на тот момент виду спорта. Но тут произошло непредвиденное – в 14 лет он вдруг начал невероятно быстро расти. За лето вырос на 12 см, и одноклассники немедленно прозвали его «Страусом». Виктором овладела новая страсть – баскетбол. С ростом 185 см и отличной прыгучестью он с легкостью доставал до баскетбольного кольца, которое прежде было

для него недостижимым. И теперь дни напролет пропадал на баскетбольной площадке.

Однако вырасти-то он вырос, но сил от этого не прибавилось. Скорее наоборот. При высоком росте Витя весил всего 60 кг и был настолько хилым, что ни разу не мог подтянуться на турнике. С таким раскладом честолюбивый Санеев смириться не мог. Сел на электричку, поехал в Сочи, разыскал спортивный магазин и купил гантели. А еще – отправился на свалку в депо, нашел там колеса от дрезины, ось от вагонетки и сма-

Юрий Власов

Игорь Тер-Ованесян

стерил себе штангу. Он тренировался, как одержимый – качал силу. И каждый день ходил к турнику – подтягивался. Причем физическими упражнениями не ограничивался – засел за специальные методические книги о спорте и штудировал их каждую свободную минуту.

Был у Санеева и еще один колоссальный стимул, который вдохновлял его на изнурительные тренировки. Гантиади находится рядом с Леселидзе, где тогда располагалась спортивная база – излюбленное место для сборов и тренировок ведущих советских спортсменов. Здесь тренировались футболисты, гандболисты, легкоатлеты. Санеев видел, как тренируются мировой рекордсмен по прыжкам в высоту Валерий Брумель, дважды бронзовый призер Олимпиад в прыжке в длину Игорь Тер-Ованесян, каким неустанным изнурительным трудом они добиваются высоких результатов.

Тренировки Валерия Брумеля Виктора просто поразили. Со штангой почти с полным набором дисков (а это примерно 180 кг) Брумель прыгал, бегал, приседал, совершал повороты и наклоны. Конечно, Санеев тогда и представить себе не мог, что пройдет совсем немного времени, и ему самому придется присесть с этим огромным весом.

А пока, вместе со штангой и гантелями, у него появилось еще одно приспособление: мешок с 20-ю килограммами песка. Санеев прыгал с этим мешком на плечах – развивал силу ног. Через полгода он уже без труда закладывал мяч в кольцо двумя руками сверху. И если раньше у него был футбольный кумир – Михаил Месхи, то теперь спортивными идолами для Санеева стали Виктор Зубков, игрок сборной команды СССР, один из лучших центровых в истории советского баскетбола, и тяжелоатлет Юрий Власов – самый сильный человек в мире.

Обратите внимание, что уже в эти годы совершенно очевидно, в чем состоял главный талант Санеева – в умении трудиться. Будущим спортсменам надо бы взять на заметку «секрет» Виктора Санеева, и звучит он так: «Никакими особыми талантами я не блистал. Талантами не рождаются, а становятся. И путь к этому становлению один – тренировка. Все твои успехи или неудачи, победы и рекорды будут зависеть от тебя самого. От твоего желания тренироваться, от твоего трудолюбия, внимательности, от того, какое место в твоей жизни будет занимать

спорт. Я знаю многих атлетов, которые мечтали о рекордах, но не хотели или не смогли отказаться от многих соблазнов юности. Они не стали рекордсменами. Они не стали даже просто хорошими спортсменами. Одного желания мало. Нужно упорно трудиться. Это давно известно, но другого рецепта еще никто не придумал и никогда не придумает».

Время шло, Виктор окончил интернат и поехал в Москву – поступать в политехнический институт. Не поступил и вернулся в Сухуми. Отца

С Анопом Керселяном

уже не было в живых – он скончался в 1961 году. Санеев устроился в литейный цех шлифовальщиком. Первая получка – 80 рублей, ощутимая помощь в скромном семейном бюджете.

Он работал и продолжал заниматься баскетболом. Его взяли в городскую команду – тренер Александр Седов поставил Санеева играть центровым. Вот тут-то они с тренером и не сошлись – Виктору хотелось играть по всей площадке, а не стоять в зоне без дела в ожидании передачи. Он пропустил одно занятие, другое. И тут приятель позвал его на стадион, на тренировку легкоатлетов. И Санеев снова встретился с Анопом Керселяном.

«Чем занимаешься, Виктор?» – «Работаю на заводе. Шлифую утюги». – «А как со спортом?» – «Играю в баскетбол в сборной города». – «А может быть, попробуешь теперь всерьез заняться легкой атлетикой? Я слышал, ты в Гантиади прыгнул в высоту на метр семьдесят. С таким результатом можно попасть в сборную Абхазии. Приходи завтра на тренировку».

Виктор рассудил так: легкая атлетика баскетболу не помеха, а времени для тренировок хватит. Тем более ему было 17 лет, и он, как несовершеннолетний, работал на заводе не полный рабочий день.

Но после первой же тренировки с Керселяном у него так заболели ноги, что он едва ходил. Да пропади она пропадом, эта легкая атлетика! Если от одной тренировки ноги отваливаются, то что же будет даль-

ше?

И больше на тренировки не являлся. Однако прошел день, другой, третий... И вдруг Санеев четко осознал – его просто тянет на стадион. И он отправился к Керселяну. Акоп Самвелович ничем его не попрекнул, наоборот, приободрил: «Не бойся, ноги пройдут, все будет в порядке. Это от того, что непривычные движения делал. Только занятий больше не пропускай».

Уже через месяц на первенстве города Санеев пробежал 100 м за 11,7.

Керселян предложил попробовать прыжки в длину. Санеев попробовал: 6,38. Попробовал и тройной: 13 м.

В феврале 1963 года Виктор

Навстречу победе

Санеев стал участником зимнего чемпионата Грузии по легкой атлетике. Семнадцатилетний перворазрядник победил в трех видах – беге на 100 метров, прыжках в длину и тройном. К тому же установил новый рекорд Грузии среди юношей в тройном прыжке – 14 м 88 см.

На этих соревнованиях случилось еще одно весьма примечательное событие.

Как вы помните, в Тбилиси проживал Иван Санеев со своей семьей. Он часто думал о том, что брат Данила с женой уехал в Сухуми. Вот бы отыскать друг друга, встретиться...

Обе дочери Ивана (гены, однако!) занимались легкой атлетикой: Зинаида Санеева – пятиборьем, Юлия толкала ядро и метала диск.

Однажды муж Юлии Виталий Таран, тоже легкоатлет, сказал: «А вы знаете, что появился какой-то Виктор Санеев из Сухуми? Участвует в чемпионате Грузии по легкой атлетике. Не из ваших ли?».

Слова Виталия взволновали сестер. Кто этот Виктор Санеев? Брат или однофамилец? Решили обратиться к тренеру сборной Сухуми Акопу Керселяну. Задали три вопроса о его подопечном. Его семья из Краснодарского края? Отца зовут Данила? Маму – Ксения? На все вопросы был получен утвердительный ответ, и вот уже Акоп Самвелович знакомит Зинаиду и Юлию с Виктором. В этот же день Виктор пришел к ним в гости. Переступил порог и замер – он увидел Санеева-старшего и, еле сдерживая дрожь

С сестрами Зинаидой и Юлией

в голосе, сказал: «Вы – мой дядя! Вы – точная копия моего отца». Настолько велико было сходство...

Вот так брат и сестры встретились впервые, чтобы больше никогда не терять друг друга...

А спортивная жизнь шла своим чередом.

Вскоре Санеев принял участие во Всесоюзной спартакиаде школьников в Волгограде, где занял третье место с результатом под 15 метров. Казалось бы, неплохо для человека, который тренируется всего полгода. Но Виктора этот результат просто подкосил – он очень хотел победить. За двадцать минут до награждения, не в силах сдержать отчаяние, убежал на запасное поле и разрыдался в голос. Эти горькие слезы стали первыми и единственными в его карьере. «В Волгограде, – объяснял Санеев, – я понял, что занятия спортом – не легкая прогулка по стадиону, а борьба сильных людей, волевых и терпеливых.

Именно тогда, летом 1963 года, я стал настоящим спортсменом».

Вернувшись из Волгограда, Виктор, во-первых, поступил в Институт субтропического хозяйства, а во-вторых, начал по-настоящему заниматься легкой атлетикой. За год прибавил в тройном прыжке почти целый метр. На юниорском чемпионате в Варшаве проиграл Алексею Борзенко, но один из прыжков с заступом был около 16 м. И Виктор почувствовал, что сможет стать прыгуном международного класса.

Одно время он выбирал между прыжками в длину и тройным. Победил тройной прыжок – он привлёк Санеева ощущением настоящего полета: «Полет длинный, летишь, как птица. На мой взгляд, это самый красивый вид легкой атлетики».

Действительно, когда смотришь, как прыгают тройным (особенно, в замедленной съемке), диву даешься – эти спортсмены не прыгают, а стремительно летят вперед! И не писаны для них никакие законы гравитации.

Но расплата за полеты – слишком высока. Прыгуны тройным испытывают колоссальные нагрузки на суставы. У Виктора Санеева, с учетом его роста, веса и скорости бега, при первом прыжке нагрузка на ногу составляла 1700 килограммов, при втором – 800. Такое не могло пройти бесследно. И не прошло...

Витольд Креер и Акоп Керселян

ТРЕНЕРСКИЙ ДУЭТ

Первым тренером Санеева был и остался Акоп Керселян.

Помните, мы упомянули о том, на что обратил внимание школьник Санеев, увидев Акопа Самвеловича впервые? На его «очень добрые глаза»... Первое впечатление не обмануло. Уже потом, спустя годы, Санеев писал в своей книге «Четвертая вершина», что доброта – самая главная черта его первого тренера: «Быть добрым – это очень много. Это значит быть внимательным и заботливым без мелочной опеки. Это значит убеждать, а не заставлять. Это значит обучать, а не дрессировать. Это значит уважать, а не снисходить».

Всем, даже людям, далеким от спорта, хорошо известно, какими

жесткими и грубыми могут быть тренеры, добиваясь от воспитанников результатов. К этому все привыкли, такое считается чуть ли не нормой. Но не таков был Керселян. На тренировках Самвелыч (так его называли все ученики) гораздо чаще хвалил, чем делал замечания или ругал. Это был его принцип, «правило Керселяна». «Если хочешь стимулировать прогресс ребенка в любом деле, не только в спорте, – считал учитель, – нужно его хвалить. Это помогает новичку полнее раскрыть свои возможности, создает благоприятный эмоциональный фон на занятиях. Даже если нужно сделать замечание, сначала надо отметить то, что сделано хорошо, а уже потом поправить то, что не получилось. Так я делал всегда».

Методика Керселяна давала прекрасные результаты – он воспитывал свободных и уверенных в себе людей. А это самое важное и в спорте, и в жизни.

Между прочим, как отмечал Виктор Санеев, при всей своей внешней мягкости Керселян, как всякий человек, честно делающий свое дело, обладал твердым характером, был весьма независим в суждениях, не признавал излишней жесткости во взаимоотношениях между людьми и не терпел непрофессионализма во всех его проявлениях. Известен случай, когда на одном из совещаний спортивный чиновник «додумался» упрекнуть Керселяна: «Отчего, вы, Акоп Самвелович, успокоились и не ищите другого такого ученика, как Санеев?» Вообще Керселян был немногословным, даже молчаливым человеком, но тут не выдержал и резко ответил: «Я не смог найти второго Санеева в городке Сухуми. А почему же вы не смогли найти такого прыгуна во всей стране?».

Тренер и ученик сошлись в главном для спортсменов качестве – оба отличались невероятной работоспособностью. Впрочем, таковы были все его ученики – бездельников и лентяев в команде Керселяна не было. Он сам с утра и до вечера был на стадионе и привычку много трудиться прививал каждому своему воспитаннику – прежде всего, личным примером.

А еще он заражал учеников своей безграничной любовью к легкой атлетике, огромной преданностью этому виду спорта. «Я до сих пор благодарен ему за то, что именно он встретился на моем пути, когда я вернулся в Сухуми, – пишет Санеев. – Я совершенно не убежден, что

не остался бы в баскетболе, если бы на месте Акопа Керселяна оказался другой педагог».

Исключительное благородство Керселяна – человеческое и профессиональное – в полной мере проявилось в том, как он выстроил свои взаимоотношения со вторым тренером Санеева – Витольдом Анатольевичем Креером.

Витольд Креер родился 12 ноября 1932 года в Краснодаре. Чемпион СССР 1960 и 1961 годов в тройном прыжке, двукратный призер Олимпийских игр в тройном прыжке, заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР. Автор книг «Тройной прыжок», «Ищу единомышленника», «Две бронзы», «Учись прыгать» и др. Скончался 1 августа 2020 года.

Как известно, спортсмены нередко переходят от одного тренера к другому. Причин тому может быть много, и они самые разные, но во всех подобных ситуациях первый тренер, как правило, заканчивает свою работу со спортсменом.

В случае с Санеевым все сложилось иначе. Он даже не думал о том, чтобы сменить тренера, который сделал его мастером спорта, и спокойно продолжал регулярные тренировки с Керселяном. И тут поступило неожиданное предложение от руководителя сборной команды СССР Креера: тренироваться в соответствии с его планами под присмотром Керселяна в Сухуми и под его личным руководством на сборах. Что уж тут скрывать – такой метод работы задевает самолю-

бие. Известны примеры, когда эти тренеры работали только по своим собственным планам, открыто критикуя тренеров сборных – тем самым нервируя ученика и сбивая его с толку.

Керселян же принял предложение Креера как руководство к действию и всячески способствовал совместной работе – успех ученика был для него превыше всего. Они с Креером не были друзьями, но ради общей цели сумели стать соратниками. Мечта у них была одна

С В. Креером

и та же: увидеть Санеева олимпийским чемпионом и вернуть мировой рекорд в СССР, ведь на тот момент мировым рекордсменом являлся польский прыгун Юзеф Шмидт.

Осенью 1964 года Санеев приступил к специальным тренировкам в тройном по тем планам, которые присылал Витольд Креер. А в декабре 1964 года впервые приехал на сбор в Москву и только тут понял, что такое настоящая тренировка в тройном прыжке. В первые же дни, по признанию Санеева, у него глаза полезли на лоб от таких нагрузок. Но он был слишком горд, самолюбив и настойчив, чтобы отступить. К тому же рядом с ним тренировались выдающиеся прыгуны – участник Олимпиады в Токио Леонид Борковский и неоднократный рекордсмен мира Игорь Тер-Ованесян. Глядя на них, Санеев еще раз убедился, что тренировка – это не только труд, но и творчество.

Свою совместную работу с Керселяном Креер описал в одной из своих книг:

«Дни тренировок, соревнования...

– Виктор! Акоп Самвелович! Такой объем прыжков необходим – научит толкаться и создаст прочный фундамент качеств, – убеждаю я. – На нем можно хоть два сезона выступить – сил хватит.

– А я не протяну ноги? – смеется Виктор.

– Скачки помогут окрепнуть ногам. Травмы будут (как без них!), но намного меньше. А так они тебя ожидают на каждом шагу. Из моих

ребят никто не сломался и «выросли» на метр дальше. Хочешь прибавить метр?

– Посмотрите, Акоп Самвелович, вот план на два года. Хватит бега? Хорошо, пересмотрим здесь зиму и еще немного весну.

– Виктор! Соревноваться будешь только по этому плану. И никаких вольностей! Хватит детства.

Виктор попробовал – выдержал. Увеличили план – прыгать стал смелее и никаких травм. Керселяну прибавилось забот: надо позаботиться, чтобы в институте экзамен у Виктора перенести; чтобы был горячий душ после каждой тренировки; чтобы сделали наконец настоящую опилочную дорожку; да и мальчишки с девчонками ждут, чтобы их научили бегать и прыгать; и главное, удержать Виктора в рамках плана – кому это под силу?

Всегда Виктору хотелось сравниться с Брумелем, с Тер-Ованесяном. И соревноваться, побеждать. «Сколько в длину прыгну? А вот возьму и вырву 100 килограммов – как метатель! Нога болит... Ничего, все равно я сильнее. Я докажу – прыгну, прыгну...» Попробуй его остановить, если молодость из него выпирает.

Я знаю формулу успеха: опыт + мечта + план + работа до отказа + анализ... Удача? Возможно. Нельзя, чтобы из этой формулы выпал хотя бы один знак. Труднее всего работа до отказа – требуется мужество, талант трудолюбия, терпение».

«БОЛЬШИМИ СПОРТСМЕНАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ, А СТАНОВЯТСЯ»

В начале 1965 года на сборе в Варне Санеев тренировался под присмотром Владимира Попова, мастера спорта, призера и рекордсмена чемпионатов СССР по прыжкам в длину. Владимир Борисович не жалел времени, чтобы объяснять, что и как нужно делать, внимательно выслушивал сбивчивые рассказы Виктора о тех ощущениях, которые он испытывал во время прыжка, и переводил их в четкие формулировки – они помогли лучше понять сложную структуру движений в разбеге и в самом исполнении тройного прыжка.

Под руководством Попова тренировался и Игорь Тер-Ованесян. «Какой это большой мастер! – не устаю восхищаться Санеев и сегодня. – Движения его были четки и вместе с тем мягки и свободны. Он мог выполнить самое сложное упражнение с любым заданным усилием. И очень часто я большую часть тренировки наблюдал за Игорем, а потом пытался его движения претворить в реальность во время бега или прыжков».

Мы уже упоминали о том, что Вик-

тор Санеев был фанатом тренировок.

Акоп Керселян, вспоминая о первых тренировках с Витей Санеевым, вспоминал: «Главное, что мне понравилось в этом мальчике – его большое трудолюбие. Идет проливной дождь, я сижу дома – дождь, куда идти? Вдруг он приходит: «Самвелыч, тренировка». – «Вить, так ведь дождь!» – «А у вас плаща нет?» Беру я плащ, и мы идем на тренировку. На стадионе никого нет. Только мы вдвоем – я и Витя».

«Его нужно было заставлять отдыхать, – рассказывал Креер. – Я сам относился фанатично к тренировке, но есть же «святые» дни! Во всеобщие и личные праздники я не тренировался. А у него такого не было. Он не мог не тренироваться».

«Сейчас мне кажется естественным, что я тренировался ежедневно в течение многих лет в любую погоду, в любых условиях, – пишет Санеев. – Но, пристальнее вглядываясь в прошлое, вспоминаю, сколько воли иногда требовалось, чтобы выходить на тренировку или обычную пробежку в сезон дождей, которые в моем родном Сухуми можно сравнить с тропическими ливнями (это только курортники думают, что у нас на юге круглый год стоит бархатный сезон). А дневные тренировки в испепеляющую жару, когда жаркий воздух, кажется, разрывает легкие? О появлении большого спортсмена мы обычно узнаем из сообщений в прессе после установления нового рекорда. Но известна истина: большими спортсменами не рождаются, ими становятся в результате трениров-

И каждое движение под контролем...

ки, в результате выполнения огромных объемов нагрузки. И это тоже борьба с собой: со своей боязнью, с инерцией, наконец, с обыкновенной ленью... Казалось бы, нелегкое детство способствовало привычке к труду. Но я и сейчас помню, как мне приходилось буквально заставлять себя идти на тренировку после рабочего дня, проведенного у шлифовального станка. Как болели руки и ноги, и сама собой появлялась «спасительная» мысль: ну пропусти тренировку, подумаешь, всего одну, ничего ведь не случится. И, случалось, пропускал. Далеко не сразу стал я тем Виктором Санеевым, который тренировался даже первого января,

в день рождения, в день свадьбы».

Результат нагрузок, которые, видимо, оказались чрезмерными, не замедлил сказаться: у Виктора заболела стопа. Не помогали ни уколы, ни компрессы, ни массаж, ни физиотерапия. Наверное, нужно было на время прекратить тренировки, но Санеев этого не сделал... Когда он прыгал с короткого разбега, то боли не было, и он решил начать прыжки с более длинного разбега. В первом же прыжке «придавил» стопу. Деформирующий артроз. Нога болела все сильнее. Неделя шла за неделей, месяц за месяцем – боль не проходила. И никто не мог сказать, чем же все-таки ее лечить. Известный врач Зоя Миронова, осмотрев ногу, засомневалась, сможет ли Санеев вернуться в спорт.

Этот тяжелый период в жизни Санеева подробно описал Витольд Креер: «Что за наказание – травмы? Неужели без них нельзя? Торопимся завладеть мечтой, и кажется, удалось... Нагрузки, пределы, сверхзадачи – мышцы не выдерживают. Рвутся. Можно этого избежать? Конечно. Не перебирать в нагрузке, учесть все условия, планировать восстановление. Тренеру и прыгуну надо чутко вслушиваться – мышцы дадут сигнал опасности. А укреплять их надо заранее. Значит, можно управлять травмой! А если под пятку попал камешек? Никудышный, никому не нужный камешек. Стал на твоём пути как скала. Отбита пятка – месяц не прыгать. Тридцать дней и ночей! Кого обвинять: судьбу, себя? Сколько же будет таких случай-

ностей на твоём пути! Можно остерегаться, каждую минуту об этом помнить и не уберечься, рвануться вперед и подстреленным упасть на секторе. Долго сидеть. Поливать хлорэтилом ногу и, повиснув на руках соперников, ковылять в раздевалку. И ночь без сна... Назавтра тепло, уколы, приборы с невидимыми лучами. И ждать, ждать... Соперники уходят вперед, а ты жмешь им руки. Они похлопывают тебя по плечу: «Ничего, скоро и ты так»... Кажется, здоров. Не торопился. Залечил. И опять травма! Где взять силы, во что верить? Второй сезон Санеев не может прыгать. Злосчастная стопа. Сначала не выдержала нагрузки, потом не залечил. Не уберег. Теперь ждать, надеяться... А видеть тройной невыносимо – сам-то не можешь прыгать. Уж лучше сидеть в своем Сухуми, не видеть соперников. Но ведь от людей, газет, жизни не отгородишься. Второй год Виктор тренируется по самочувствию (теперь не до строгого плана). Пишет письма по настроению: «Нога все болит. Отрезать, что ли, стопу и сделать другую? Лечу вон уже сколько, а ничего не изменилось. Врачу ют народными и самыми научными методами. Сейчас уколы. Уже сделал четыре, – может быть, помогут? Мама варит какие-то травы. Делаю компрессы, но все по-прежнему. Болит! Охотились с Самвельчем на озере Амткел. 2600 метров. Как хочется разогнаться во всю силу и прыгнуть. Да так, чтобы и не нашли. Хорошо, что хотя бы бегать стопа позволяет. Неделю назад пробежал

100 метров за 10,8 секунды. Бегаю, метаю камни (наверное, весь пляж перебросал). Ногу не пробую. Уже ученный». От болезни, травм становятся мудрее: есть время поразмыслить, взвесить свою страсть. И неизвестно, куда тебя еще перетянет больше. Или плюнешь и забросишь спорт, или вытерпишь все и станешь сильнее. Виктор знал, что такое ждать. Ждать, когда поправится отец (он так и не встал с постели); ждать новых ботинок; ждать, когда же станешь сильным (уже в четырнадцать лет сам занялся штангой и баскетболом). Он не любил ждать, не терпел этого слова. Но умел это делать. А за всем этим южное солнце, пламенные друзья-абхазцы (семья в тридцатых годах переехала с Кубани в Сухуми) и огромное желание прыгнуть дальше всех. Учиться в Москву! Обязательно в Москву! Не поступил. Надо домой, в Сухуми: «Буду агрономом». Проходит олимпийский 1964 год. Для кого олимпийский, для Виктора только начальный. Ведь тренируется он только два года, а вырос и буквально – уже 188 см, и в прыжках – 15,78 и 7,43. Но пока еще не чемпион. Побеждают другие. Скоро ли Виктор их догонит? Прошел испытание травмой. И не сломался. Полтора года лечил ногу, ждал, тренировался: бегал, метал, поднимал штангу. Прыгать не мог. Делал все, от чего не болит. Думал о технике. И как только отпустила нога, улетел очень далеко: 16,30 и 7,60! Теперь Виктор рвется доказывать свое. Нет сильнее его, нет сомнений в победе. «Где-то я читал:

Охота на озере Амткел

«Мужество – это не когда у человека в руках ружье. Мужество – это когда заранее известно, что ты проиграл, и все-таки берешься за дело, наперекор всему на свете идешь до конца. И иногда все же побеждаешь». Прямо как про последнюю попытку. Учиться надо этому».

В декабре 1966 года Виктор встретился с одним бывшим спортсменом. Встреча оказалась судьбоносной. Роман Серебряный, врач по профессии, работал в Тбилиси на «Скорой помощи». Узнав, что Виктору ничего не помогает, сказал: «Я немного занимаюсь спортивной травматологией, недавно сумел помочь копьеметателю Карло Гордземашвили, у него болел локоть правой руки. Можем попробовать мой

метод. Не знаю, сумею ли помочь, но вреда не будет».

До нового года Роман провел четыре сеанса, и Виктор наконец почувствовал облегчение. Через месяц – смог бегать, а в марте сделал первый прыжок тройным с малого разбега.

В сезоне 1967 года установил личный рекорд в тройном прыжке, впервые прыгнув на 16,32, пробегал стометровку за 10,4, прыгал в длину на 7,0, приседал со штангой весом 170 кг. Стал чемпионом Советского Союза, мастером спорта международного класса, победил на Кубке Европы с результатом 16,67.

Рекомендуя его в олимпийскую команду перед мексиканской Олимпиадой, Креер сказал: «Санеев уже стал рекордсменом мира по тренировочным нагрузкам. Теперь он может стать рекордсменом в тройном прыжке!»

МЕХИКО-1968

Перед отъездом на Олимпийские игры произошла необычная история. Казалось бы, такого быть не может, но это было. Виктор спросил у сестры Зины: «Что скажешь, как все пройдет?» Она уверенно ответила: «Будет победа, и ты прыгнешь за 17 метров» (Санеев тогда рубеж 17 метров еще не взял, а мировой рекорд был 17,03). В ответ Виктор усмехнулся и уточнил: «А «копейки»? (т.е., сколько сантиметров). «17,23», – так

же уверенно сказала Зина. – «Почему 23?» – «Не знаю. Ну, потому что тебе исполняется 23 года». Поразительно, но все так и произошло – с точностью до сантиметра. Об удивительном случае потом даже писал журнал «Огонек».

По накалу спортивной борьбы тем Играм не было равных. За сутки мировой рекорд обновлялся пять раз! Подобное уже нигде и никогда не повторилось.

Тогдашний рекорд поляка Юзефа Шмидта равнялся, как было

Мексиканский сувенир

Открытие Олимпиады в Мехико

Так прыгал Санеев

сказано, 17,03. Но уже в квалификации итальянец Джузеппе Джентиле улетел на 17,10. Новый мировой и олимпийский рекорд! А в финале в первой же попытке тот же Джентиле прыгает на 17,22 – новый рекорд! В третьей финальной попытке Санеев прыгает на сантиметр дальше и устанавливает третий мировой рекорд с – 17,23! Невероятно! Кажется, прыгнуть дальше уже невозможно.

И вот тут необходимо обратить внимание на очень важное обстоятельство. В четвертой попытке Креер решил, что дальше уже никто не улетит, и велел Санееву отнести разбег на метр назад. «Зачем я его послушал? – писал потом спортсмен. – Две попытки просто потерял. Просто хочу сакцентировать внимание на том, что каждый спортсмен должен думать своей головой. Иначе ничего у него не получится».

Расчеты Креера оказались неверными, и в пятой попытке брази-

лец Пруденсио перепрыгнул Санеева на четыре сантиметра – 17,27.

Четвертый мировой рекорд!

Вы только попробуйте представить себе, какое напряжение царило на арене и трибунах!

У Санеева оставалась последняя финальная попытка – шестая.

И вот тут самое время вспомнить золотое правило Санеева: «Если осталась попытка, значит, ты не проиграл. Ничего еще не закончилось».

Он встал со скамейки, легко пробежался, разминаясь. Вышел на старт прыжка. Он уже принял решение вопреки советам Креера вернуться к своему прежнему разбегу.

Трибуны ревели. Акоп Керселян и Витольд Креер что-то кричали со своих мест, но их голоса тонули в криках болельщиков.

«Странное в тот момент я испытывал состояние, – вспоминает Виктор Данилович. – Кругом кричат, а у меня внутри тихо. И только в голове

Тройной прыжок Виктора Санеева. Кинограмма

холодно стучит: ноги, как струна – только бы не опустить их во время полета. Не помню, какие еще заклинания шептал, стоя на узкой ленте тартана в трех десятках метров от белевшей планки. Не помню. Зато отчетливо, прямо-таки абсолютно точно чувствовал, что этот последний прыжок будет самым лучшим, самым далеким. Был уверен в этом, как никогда. В этот момент я чувствовал состояние, близкое к восторгу. Я мог все. Казалось, взмахну руками и – полечу. Знаю: это было вдохновение. Спутник каждого открытия. Каждого успеха. Каждого рекорда».

Виктор начинает. Чуть отходит назад – чтобы не заступить, прыгать наверняка. Первые шаги в наклоне, не поднимая головы. Толчок. Другой. Последний прыжок... Ноги – как струна. Есть! Выиграл! Сколько же там? Судья склонился над измерительным прибором. Виктор не

отходит от судей. И вдруг высоко подпрыгивает с вытянутыми руками. 17,39! Новый мировой рекорд и олимпийское золото!

Стадион гремел! Креер, плачущий от восторга, и сияющий Керселян кинулись обнимать Виктора. Победил! Победил!

А Санеев вдруг почувствовал полную опустошенность – он отдал борьбе все силы. Но в то же время знал наверняка, что если бы соревнования продолжались, и кто-нибудь снова его перепрыгнул, то он бы опять улетел еще дальше – такой был в нем фантастический заряд на победу!

«В последней попытке у вас могло и не получиться 17,39. Значит, это случай?» – спросил подскочивший журналист. «Конечно, случай, – рассмеялся Виктор, а пальцы сами сжались в кулаки. – Но этого случая я ждал каждый день в течение шести лет. Сделал сорок тысяч прыжков.

Роман Руруа, Дито Шанидзе и Виктор Санеев

Поднял двадцать тысяч тонн штанги. И сто раз боролся за победу».

Домой Виктор Санеев вернулся в компании своих земляков – олимпийских победителей и призеров. Роман Руруа – олимпийский чемпион Мехико в греко-римской борьбе (четырёхкратный чемпион мира – 1966, 1967, 1969, 1970). Штангист Дито Шанидзе – серебряный призер (будущий чемпион мира и Европы, серебряный призер Олимпиады в Мюнхене). Баскетболист Зураб Саканделидзе – бронзовая медаль (в 1972 году он станет олимпийским чемпионом). Гиви Чикваная – водное поло, серебро (серебряный призер Олимпиады-1960).

И все-таки настоящим героем признали его – Виктора Санеева, олимпийского чемпиона, мирового рекордсмена.

«Человек-катапульта», «сухум-

ский кенгуру» – так после триумфа в Мехико прозвали Санеева журналисты. Он был признан лучшим спортсменом СССР 1968 года, а его фотографию опубликовали на обложке журнала «Огонек». Это был первый случай, когда на обложку самого популярного советского журнала попал спортсмен.

На призовые Виктор купил белую «Волгу» ГАЗ-24 («У меня ноги – 127 сантиметров, я только в ГАЗ-24 и помещался», – шутил Санеев). А гаишники выдали ему особые номера: 17-39 – в честь рекорда.

Санеев впервые понял, что такое слава. Журналисты, фотокорреспонденты, поклонники и просто какие-то незнакомые люди без конца приходили, звонили, писали, что-то спрашивали, о чем-то просили. Бесконечные приемы, встречи, интервью – в Москве, Тбилиси и Сухуми.

Через месяц после игр в Мехико Санеев пишет Крееру: «К сожалению, тренируюсь мало – замучили выступлениями в учреждениях и школах. Жду не дождусь, когда окончится эта шумиха, и можно будет приступить к нормальным тренировкам. В институте дела идут неплохо, скоро получу диплом агронома. Так что среди агрономов я буду прыгать тройным дальше всех».

Но шумиха не стихала. И в один прекрасный миг Санеев сказал себе: «Все, хватит. Скоро все успокоится. Тебя, твою победу начнут забывать. И что останется? Мехико – это прекрасно, но это уже в прошлом. Надо что-то делать дальше».

И он спрятал подальше свою золотую олимпийскую медаль и на следующий день вышел на обычную утреннюю пробежку.

Только вперед!

«ЗАБУДЬ, ЧТО ТЫ ЧЕМПИОН»

После Мехико Санеев снова начать «пахать». «Забудь, что ты чемпион и рекордсмен мира, – внушал он сам себе. – Ты – перворазрядник».

По словам супруги Виктора Санеева Татьяны, «он действительно быстро забывает свой успех, и перед ним всегда стоит какая-то новая цель, к которой он стремится. Он считает, лучше не помнить успехи, чтобы было легче готовиться к будущему. Перед каждой Олимпиадой он говорил – я ничего не выигрывал, мне нужно все начать заново».

К этому времени Виктор окончил Сухумский институт субтропических культур. Его оставили на кафедре для научной работы, и он даже начал писать диссертацию на тему выращивания табака, но вскоре решил оставить карьеру учено-агронома и поступил в Грузинский государственный институт физической культуры. Теперь он получал специальные знания по медицине, биологии и физиологии.

С первых же соревнований стало очевидно: теперь с Санеева спрос другой. Каждому хочется обыграть олимпийского чемпиона! Значит, он просто обязан побеждать.

И он побеждал. Хотя ему часто

ВЯКТОР САНДЗУ
ЛУЧШИЙ СОВЕТСКИЙ
СОРТОМАН 1969 ГОДА

ОГОНЁК
№ 9 МАРТ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Подарок тбилисских гаишников – особый госномер

задавали вопрос – почему за четыре года, с 1968-го по 1972-й, ему не удалось побить собственный мировой рекорд, установленный в Мехико?

Этот вопрос он задавал себе и сам. И знал на него ответ.

Напряженная борьба – это идеальное условие для мирового рекорда. Большой спорт – это большое состязание сильнейших, а значит, – высокие результаты. По степени напряжения соревнования в тройном в Мехико до сих пор не имеют аналогов в истории спорта. Тут, как говорится, сам бог велел ставить рекорды. Потому их и было целых пять!

Кроме того, как считает Санеев, Мехико благоприятствует установлению рекордов в спринтерском беге и в тех видах, где результат во многом зависит от скорости бега.

В Мехико, на высоте 2250 метров над уровнем моря, были установлены новые рекорды почти на всех беговых дистанциях и в прыжках.

Ли Эванс первым пробежал 400 м быстрее 44 секунд, установив один из «вечных» мировых рекордов (43,86), который был превзойден только через 20 лет. Боб Бимон вошел в историю спорта своим феноменальным прыжком на 8,90. Этот результат, названный «прыжком в XXI век», на 55 см превышал прежний рекорд Ральфа Бостона, и был превзойден на 5 см лишь спустя 23 года американским прыгуном Майком Пауэллом. На мексиканской Олимпиаде все были потрясены манерой бега кенийца Кипа Кейно и тем, что он победил Джима Райна, лучшего бегуна на одну милю того времени.

Силовая тренировка

Правда, есть мнение, что высокогорье не обязательно способствует спортивным успехам, а все дело в том, что почти все призеры Мехико были родом с высокогорья или, в крайнем случае, жили и тренировались на высокогорье. Тот же Джим Райн признался, что никогда не испытывал такой боли в груди, какую он почувствовал в день соревнований на финише. Кип Кейно родился и вырос на высоте более чем 2100 метров над уровнем моря, а Джим Райн – из штата Канзас, это 300 метров над уровнем моря.

Так или иначе, но Санеев уверен, что мог установить новый мировой рекорд и в 1969-м, и в 1970 году. Для этого были нужны не только отменная физическая форма, но и стечение благоприятных обстоятельств – хорошая, теплая погода, легкий ветер и, конечно, тартановое покрытие. А вот как раз на тартане

в те годы он выступал редко. Чаще приходилось прыгать на гаревых или резиобитумных секторах – проще говоря, асфальтовых.

Да и передышки, чтобы специально подготовиться к установлению мирового рекорда, у него не было – Санеев выступал очень часто и почти всегда на пределе. Он участвовал в зимних и летних чемпионатах Европы, Кубке Европы, Универсиаде, матчах с командами США, ГДР, Польши, ФРГ, Италии. Положение осложнялось еще и тем, что за эти годы состав сборной команды страны существенно изменился. На смену опытным мастерам пришли молодые – Михаил Барибан, Валентин Шевченко, Геннадий Бессонов, Геннадий Савлевич. Но с молодых спрос небольшой. Вот и приходилось Виктору почти в каждом соревновании и сражаться в одиночку. На чемпионате Европы 1971 года в Хельсинки, когда у Виктора внезапно обострилась старая травма стопы, он прыгал буквально стиснув зубы. И все же в одной из попыток сумел показать 17,10. Как это ему удалось – до сих пор понять невозможно. И разве можно поставить в вину Виктору, что Йорг Дремель, молодой, полный сил спортсмен, прыгнул на 6 сантиметров дальше и стал чемпионом? В том же не слишком удачном сезоне Санеев потерял и мировой рекорд. Кубинец Педро Перес Дуэньяс улучшил достижение Виктора на сантиметр –17,40. И, наконец, Санеев проиграл чемпионат СССР Михаилу Барибану...

И все-таки Санеев рассчитывал преподнести в Мюнхене болельщикам и соперникам сюрприз в виде нового мирового рекорда.

Перед началом олимпийского сезона сам Виктор и его тренеры детально разработали стратегию и тактику подготовки. Но весной 1972 года у Виктора снова заболела нога...

Нервничали тренеры, нервничал спортсмен. А до Олимпиады оставалось чуть больше месяца...

На сборах в Подольске он снова и снова уходил с тренировки раньше времени – не мог прыгать. Стопа болела постоянно.

Жил он тогда с прыгуном в длину Леонидом Борковским, никогда не унывающим украинцем. Леонид всегда старался как-то помочь товарищу, подбодрить. В один прекрасный день он решил поднять Виктору настроение веселой пес-

Минута передышки

ней – взял в руки гитару, с которой не расставался ни на сборах, ни на соревнованиях, и громко объявил: «По заявке олимпийского чемпиона, заслуженного мастера спорта СССР Виктора Санеева незаслуженный артист Леонид Борковский исполнит свою песню «Запасная нога». И запел:

Тройной – не шутка.

Три прыжка лихих,
Где каждый голову сломает.
Скакнешь на левой –

пятка отлетит,
На правой – уши отлетают!
Ну, уши что! А мне б найти ногу.
Моя уже давно болит

во всех суставах.
Найти б такую, как у кенгуру,
Я б чемпионом стал

в закрытых залах.
Разнесся слух,
что мне нашли ногу
С железною стопой

и медной пяткой,
Латунные мениски, не солгу,
И на бедре –

с легированной латкой!
Ведь прыгали

мы раньше по бетону,
А на тартане дальше улетим.
Мы сцепим зубы.

Через боль и стоны
Себе рекорд заветный
возвратим!

Леонид пел, а Санеев слушал и думал: неужели проклятая нога не даст выступить на Олимпиаде, до которой – рукой подать? И вдруг, как озарение, пришло реше-

ние: нужно ехать домой, к маме, к морю, к горам. Если и они не помогут, тогда конец.

«Спасибо, Леня, – сказал Виктор. – Я – в аэропорт. Передай Витольду Анатольевичу: если все будет в порядке, приеду за два дня до поездки в ФРГ. Если не приеду – прощай, Олимпиада».

Никто не знает наверняка, что же, в конце концов, помогло Санееву: мамина ли мазь, которой он послушно натирал ногу утром и вечером, или полный отдых, или травма в самом деле зажила?

Так или иначе, но через десять дней, проведенных в Сухуми, он почувствовал себя в полном порядке, вернулся в Москву и на вопрос Креера о самочувствии ответил, что его, как Антея, вылечила своими соками родная сухумская земля!

Настроение у Санеева было отличное, и было решено выступить в предолимпийских состязаниях в ФРГ – показать соперникам, с кем им придется иметь дело на Олимпиаде. Уже в разминке Виктор почувствовал, что может установить рекорд. Но оказалось, что от планки до ямы с песком было всего 11 метров, и после первых двух толчков Санеев очутился в яме. Организаторы спешно прикрыли часть ямы досками, положили на них резину, но отталкиваться от этой ненадежной опоры было неудобно. Однако и в таких условиях он пять раз прыгнул за 17 метров, а в лучшем прыжке показал 17,25!

Соперникам был нанесен первый психологический удар.

«А вы тройным летать смогли бы?»

С ПЕРВОЙ ПОПЫТКИ

4 сентября 1972 года в Мюнхене Виктор Санеев выиграл вторую подряд Олимпиаду.

В ночь после победы Санееву не спалось. Рано утром он вышел на прогулку и столкнулся с парнем,

который сказал по-английски: «Там террористы». Виктор посмотрел в направлении здания, на которое указал парень, и увидел вооруженного человека. Он стоял с автоматом в руках и не сводил с Санеева глаз...

Оказалось, что в четыре часа утра боевики палестинской организации «Черный сентябрь» взяли в заложники 11 членов израильской олимпийской сборной. Двое спортсменов были застрелены в ходе захвата корпуса, остальные скончались ночью, после расстрела и разрыва гранаты в военном аэропорте Мюнхена, когда террористы пытались улететь в Египет.

После трагедии израильтяне требовали остановить Игры, однако тогдашний президент МОКа Эйвери Брендедж сказал категориче-

ское «нет» – Олимпиада должна продолжаться... Виктор и сейчас считает, что это было правильное решение.

Олимпийское золото добывается по-разному. В Мехико успех Санееву принес последний прыжок, и для победы ему пришлось дважды устанавливать мировой рекорд. А здесь, в Мюнхене, исход борьбы решила одна, первая, попытка. Но для того, чтобы выполнить ее так, как это сделал он, надо быть Санеевым.

В Мюнхен прибыли пятеро из восьми участников олимпийского финала Мехико: Мансур Диа, Джузеппе Джентилле, Артур Уокер, Нельсон Пруденсио и Виктор Санеев. В числе претендентов на меда-

На верхней ступеньке пьедестала

Открытие Олимпиады в Мюнхене

Свадьба Виктора Санеева и Татьяны Хварцкия

ли числились Йорг Дремель, Карол Корбу и рекордсмены мира Перес Дуэньяс.

Однако напряженной борьбы не получилось. Квалификационный норматив в тройном прыжке был невысок – 16,20. Но этот рубеж не смогли преодолеть ни Джентиле, ни Уокер, ни Дуэньяс.

Вместе с тренерами Виктор решил, как быть. Решили, что результат нужно показать уже в первом прыжке, сразу захватить лидер-

ство. Здесь должны были сказать свое слово опыт и мастерство Санеева. И он с первой же попытки прыгнул на 17,35, и этот результат превзойти не смог никто. Дремель приблизился к нему в пятой попытке – 17,31.

В шестой попытке Виктор приземлился за отметкой мирового рекорда. Но судья поднял красный флажок – заступ. Потом говорили, что заступа и не было...

Дремель, как вспоминал Санее-

ев, на шестую попытку побежал с таким лицом, что он не выдержал и расхохотался: с таким напряжением дальше 16 метров не улетают... Так и вышло – всего 15,34.

Пруденсио в шестом прыжке показал 17,05, он – третий.

Конечно, Санеев был счастлив. Ликовали тренеры. Но как же ему было обидно, что мировой рекорд устоял! Словно угадав его мысли, Креер сказал: «Чудак, ты же выиграл Олимпийские игры! Великое дело сделал. А рекорд побьешь дома, в Сухуми, на Кубке Санеева».

14 октября 1972 года Сухуми гулял на свадьбе Виктора Санеева и студентки Тбилисского медицинского института, будущего психиатра Татьяны Хварцкия (все ее звали, да и сейчас зовут Яной).

А через три дня Виктор вышел на старт соревнований на «Кубке Санеева», которые ежегодно, начиная с 1969 года, проводились в Сухуми 17 октября, в годовщину победы на Играх в Мехико.

В первых пяти прыжках Санеев приземлялся за 17-метровой чертой. А как же новый мировой рекорд? Оставалась последняя попытка... Прыжок получился стремительным и яростным. 17,44! Есть рекорд!

А через два года Виктор узнал, что прыгнул на 17,59-17,60. Ему рассказали, что Креер потянул колышек вслед за рулеткой (случайно ли?). Песок осыпался, и на рулетке остались 17,44. Так 15 сантиметров Санеева и «убежали»...

С Жоао Карлосом ди Оливейрой

МОНРЕАЛЬ-76

В 1975 году в Мехико капрал бразильской армии Жоао Карлос де Оливейра совершил фантастический тройной прыжок – на 17,89.

Из письма Виктора Санеева Витольду Крееру: «Только что узнал по радио о потрясающем рекорде Оливейры. Ну что же, это будет для меня хорошим стимулом в тренировках. А с Оливейрой, я думаю, мы

Трехкратный в тройном

еще потолкуем – в Монреале».

Но к возможности того, что Санеев победит на Олимпиаде в Монреале, многие относились скептически. Статистика – вещь упрямая, а она свидетельствует: на трех олимпийских играх подряд в тройном не побеждал никто. И потому все предрекали победу Оливейре – новому фавориту.

Жоао Оливейра в течение трех лет занимался спринтерским бегом (100 м – 10,4 с), потом два года посвятил прыжкам в длину, где стал рекордсменом Южной Америки с результатом 8,20, и тройному прыжку. Оливейра, не имевший до этого ни одного прыжка за 17 м, сразу установил мировой рекорд и потряс весь спортивный мир.

«Я всю жизнь болею за «Коринтианс», – рассказывал отец рекордсмена. – В тот вечер, как обычно, я был дома и смотрел по телевизору матч «Коринтианса» против «Фигейренсе». Вдруг передача была прервана, и диктор торжественным голосом объявил, что мой сын только что побил мировой рекорд. Я был настолько потрясен, особенно результатом, что даже не в силах был подняться с дивана».

Это был поистине «прыжок в будущее», и в течение десяти лет никто не смог приблизиться к результату Оливейры.

Санеев не рассчитывал на личное знакомство с Жоао до Олимпийских игр в Монреале. Но они встретились зимой 1976 года на чемпио-

нате Европы по легкой атлетике в закрытых помещениях. Эта встреча была описана в журнале «Легкая атлетика» Витольдом Креером: «21 февраля 1976 года в мюнхенском «Олимпиахалле» оказалось четыре рекордсмена мира в тройном прыжке: трое на трибунах, четвертый в секторе. В одиннадцатом ряду сидел Жоао Карлос Оливейра, в десятом – герой Римской и Токийской олимпиад Юзеф Шмидт, в пятнадцатом – Нельсон Пруденсио. Те, что на трибунах, не спускали глаз с Виктора Санеева, даже когда он сидел или ходил между попытками. Санеев господствует спокойно и уверенно: 16,86, 16,94, 17,05, 17,10. Оливейра невозмутимо записывает все его попытки и лишь однажды отрывается, чтобы показать тренеру, как далеки у Санеева «скачок» и «шаг». И даже 17,10 Санеева не изменяют выражения его лица – спокойного, серьезного, оценивающего. Соревнования закончились. Победил Санеев. Нас знакомят с Оливейрой и Толедо. С ходу спрашиваем Оливейру: «Понравилась ли прыжки Санеева?» «Да, – отвечает Оливейра, – только разбегаюсь я быстрее. А надо еще лучше. Вот когда пробегу 100 м за 10,2, смогу считать себя быстрым. Но я не знаю, как помогать руками отталкиванию, а Санеев знает. Санеев – прима! Я многому хочу у него учиться и люблю его, как старшего брата». – «А разве младший брат не хочет победить старшего?» – смеемся мы. Жоао Карлос хохочет, долго не может успокоиться и все повторяет: «Младший... старший брат».

В Монреале Санеев был спокоен. За себя не боялся. Знал, что на Олимпиаде сделает все, на что способен.

После трех-четырёх тренировок появилась уже знакомая по прежним Олимпиадам жажда борьбы. Санеев почувствовал себя полностью готовым к состязаниям и... уехал из олимпийской деревни на дачу, которая была в распоряжении советской делегации и находилась в 60 км от Монреаля. Там можно было погулять на природе, половить рыбу. Правда, Виктор не смог поймать ни одной рыбки, но с оптимизмом убеждал себя, что раз не повезло в рыбной ловле, то обязательно повезет на состязаниях.

И вот день решающего сражения. Выйдя в сектор, он сразу понял, что публика настроена против него – на трибунах сидели большей частью

После прыжка

Открытие Олимпиады в Монреале

американцы, болеющие за своих прыгунов.

Первая попытка – заступ.

Во втором прыжке занял вторую строчку после Дуэньяса, но тут же американец Джеймс Баттс отодвинул его на третье место. Вся борьба еще впереди.

В третьей попытке Санеев прыгнул на 17,06. Оливейра сумел справиться с волнением и вышел на второе место.

В четвертой попытке заступил. Очень обидно – далекий получился прыжок, в районе 17,50. И заступ-то – микроскопический.

И тут же Баттс прыгнул на 17,18. Стадион чуть не рухнул от рева! Но Санееву это было на руку: он разозлился и сумел ответить хорошим прыжком. Вышел из ямы – на стадионе мертвая тишина. Результат на табло – 17,29, а трибуны безмолвствуют...

В последнем прыжке Батта «закрутило». Он на втором месте, Оливейра – на третьем.

Но Санеев не думал, что решил исход борьбы своим пятым прыжком, и готовился к последней попытке. Бежал вовсю, но уже на последних шагах почувствовал – застывает. «Вот уж не думал, – вспоминал спортсмен, – что в конце состязаний у меня останется столько сил. А так хотелось улучшить свой олимпийский рекорд, который был установлен еще в Мехико. Но ничего не поделаешь: так и не состоялся прыжок, который – я в этом убежден – был бы самым дальним из моих прыжков».

Встреча в Олимпийской деревне

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Вторая половина 1970-х складывалась для Санеева тяжело, даже трагически.

Нога заболела так нестерпимо, что о прыжках не могло быть и речи. Виктору казалось, что одна кость стопы непрерывно трется о другую. Даже при ходьбе он с трудом ступал на землю. В довершение заболели и связки ахиллова сухожилия.

Выхода не было, и 5 октября 1977 года в Хельсинки Санееву сделали операцию. А 22 октября он вышел на первую тренировку. Первые ощущения радовали: скальпель не повредил тонких нервно-мышечных механизмов, которые создают движение.

Спортсмен снова решил работать по собственной программе: отказался от выступлений в зимних стартах и сосредоточился на своих

особых авторских упражнениях, которых не показывал никому: глубокие приседания и резкие выпрыгивания вверх с тяжелой штангой. При этом последний подход в любом упражнении, последнюю пробежку и последнюю попытку в прыжках он выполнял с предельным усилием. Возможно, эти тренировки и помогли ему показать свой лучший результат на Московской Олимпиаде именно в последнем прыжке.

Несколько очень полезных упражнений показал Виктору Валерий Борзов, чемпион и призер Олимпийских игр в Мюнхене и Монреале. В основном это были бег в гору и под уклон, пробежки с разными усилиями и (главное условие) с разными интервалами отдыха между ними. Благодаря этим упражнениям, Санеев снова пробегал 100 м с низкого старта за 10,6-10,5 с.

К лету 1978 года он мог считать себя вернувшимся в прыжковый сектор.

Незадолго до VII летней Спартакиады народов СССР Санеев выступал за рубежом. Вернувшись в Тбилиси, как обычно, первым делом позвонил маме в Сухуми. Дозвониться не смог, телефон не отвечал. Виктором овладело непонятное ему самому беспокойство. На следующий день он разволновался так, что заболело сердце. Не выдержав, поделился тревогой с женой – наверное, что-то случилось с мамой. Снова и снова набирал сухумский номер. Тщетно. И вдруг поздним вечером звонок. Виктор услышал голос тестя и тут же спросил: «Что

случилось? Что с мамой? Говорите прямо, умерла?» – «Откуда ты знаешь?» – «Знаю. Сердце подсказало»... Выронил трубку, и дальше уже ничего не помнил. Вот вам и железные нервы Санеева...

«Всю ночь до отъезда я не спал, – пишет Виктор Данилович в своих воспоминаниях. – Думал о маме. Вспоминал, как в 1968 году она провожала меня на Олимпийские игры в Мехико. Я уже в то время был опытным путешественником, но мама все никак не могла привыкнуть провожать меня в такие дальние поездки. Ей, мало выезжавшей из родного города, Мексика и в самом деле казалась страной за тридевять земель. Как водится, мы присели на дорожку. Мы – это я и Дудкин, а потом Николай попросил маму: «Ксения Андреевна, пожелайте нам победы». А она сказала: «Коля, сынок, успеха вам обоим, но, прости уж меня, победы я желаю все-таки Виктору».

Мама

В ожидании старта

Вспоминал, как она заботилась, чтобы дома все способствовало лучшей подготовке к тренировкам и отдыху после занятий в институте и на стадионе. Работавшая с малых лет, она знала цену физическому труду. Мама часто ходила со мной на тренировки и видела, каким потом достаются мне и моим товарищам победные секунды и сантиметры. А как она заботилась о том, чтобы моя спортивная форма всегда была в полном порядке, чистая и выглаженная. Мама стирала каждый день, ей хотелось, чтобы ее сын на стадионе был не только самым сильным, но и самым аккуратным, самым чистым, самым красивым. А сколько сил она тратила на приготовление соков, отваров, компотов, киселей, варений! Как следила за моим режимом! Уже будучи взрослым, я не мог себе позволить поздно прийти домой: руга-

ла она меня, как маленького: «Ты что, не знаешь, что спортсмену нельзя гулять допоздна!» Вспоминал, как она мучилась вместе со мной, залечивая мои травмы. Вспоминал ее травы, настои, примочки, компрессы. Мама никогда не забывала напомнить, что пора поменять повязку, принять лекарство, сделать массаж. Моя боль была ее болью. И вот ее не стало...»

До Спартакиады оставалось всего ничего. Он начал тренироваться, как одержимый. Но возбуждение прошло так же быстро, как и появилось. За четыре дня до старта он прыгал только на 15,30. И на Спартакиаде сделать уже вовсе ничего не смог. И в квалификации, и в основных соревнованиях — результат 16,40. Так и осталась эта Спартакиада в памяти Санеева как единственное соревнование, где он

Виктор Санеев, Яак Уудмяэ, Жоао Карлос ди Оливейра

не боролся ни с соперниками, ни с самим собой...

В июле 1980 года Виктор Санеев узнал, что тренерский совет доверил ему право выступить на Московской Олимпиаде.

На несколько дней он уехал в Сухуми, чтобы отдохнуть, а потом приехал в Подольск на последний сбор перед Олимпиадой. Санееву нужно было тренироваться так, чтобы повысить спортивную форму, и в то же время – беречь ногу, не показывая соперникам, что он травмирован. Наверное, правильнее всего было бы заниматься в одиночестве, но этого не было сделано, и в одной из совместных тренировок Санеевым завладел случайный азарт, и он травмировал колено.

Отступать было поздно. «Я помнил только о том, – пишет Санеев, – что в последних трех попытках (в

том, что попаду в финал, не сомневался, даже такой мысли не допускал) буду прыгать вразнос, не думая о последствиях».

Рассказом о том, как проходили олимпийские состязания в тройном прыжке, мы открыли эту книжку.

А сейчас самое время предоставить слово самому Виктору Санееву и узнать, каким ему запомнился день 25 июля 1980 года: «На стадионе я начал внушать себе, что нога у меня не болит, а мне это только кажется. Но нога болела так, что, несмотря на укол, разминаться не мог. Тогда я решил: будь что будет, разомнусь уже в секторе непосредственно перед прыжками. Так я и сделал: ни одного прыжка не выполнил в разминке. Ни одного! Берег ногу. Я в первой попытке бежал против встречного ветра (скорость 2,33 м/сек), но все же показал 16,86. Ну,

думаю, финал обеспечен. Только бы нога выдержала. Вторая попытка. Внимательно следя за соперниками, я не сумел настроиться на этот прыжок. Но не расстраиваюсь. Впереди еще четыре попытки. Я остаюсь на третьем месте, хотя и мне удается прыгнуть за 17 м – 17,04. Четвертая попытка не изменила расстановки лидеров. Настраиваюсь на пятый прыжок, как на последний. Сейчас можно решить судьбу соревнования. Это подсказывает весь мой опыт. Долго жду на старте прыжка, но ветер дует, как осатанелый. На последних шагах перед планкой утыкаюсь в него, как в подушку (из протокола после состязаний я узнал, что именно в этот момент скорость встречного ветра была наивысшей – 2,46 м/сек). Результат – только 17,07. И по вложенным усилиям и по техническому исполнению это был мой лучший прыжок на Олимпиаде. Если бы не ветер... Никому из соперников не удастся улучшить результатов. Все уже закончили состязания, и только у меня остается

последний шанс. Как в Мехико. Непрерывно дует встречный ветер, и это отбирает у прыгунов много сил, нервов, а также и сантиметров. Стоя на старте прыжка, я собирал все силы. Прибавлю. Обязательно прибавлю, пусть хоть ноги пополам, но прибавлю! Все желали мне успеха. Я слышал крики с трибун: «Виктор, давай 17,40! Давай четвертую медаль! Вспомни Мехико!» Слышал и никак не мог сосредоточиться. А тут еще этот проклятый ветер. Решил ждать до конца. Остается минута... остается 20 секунд... 10... 5... Пора! Я рванулся навстречу ветру. Все, что оставалось еще во мне, выплеснулось в этом прыжке. Вонзился в песок и чувствую, не могу встать. Ну не могу, и все тут. «Виктор, вставай, – приказываю себе, – вставай. Не поползешь же из ямы на четвереньках». Встал и, хромая на обе ноги, проковылял к скамейке. Что было дальше, помню плохо. Меня поздравлял Уудмяэ, что-то говорил Оливейра, а я чувствовал только страшную режущую боль в коленях. На табло горел мой последний результат – 17,24. Цена серебряной медали. Потом мы с Уудмяэ и Оливейрой стояли на пьедестале почета. Нас приветствовали зрители. На флагштоке поднялись два советских и бразильский флаг. Звучал наш Гимн. Было радостно и немного грустно. Позади четверть века дружбы со спортом и мои четыре Олимпиады. А впереди еще целая жизнь».

А если бы в последней попытке не дул встречный ветер?

Автографы поклонникам

ТРУДНОЕ ПРОЩАНИЕ

Расставание с любимым делом – огромный стресс для любого человека.

Для успешного действующего спортсмена – это стресс вдвойне. Наверное, уход из большого спорта сродни неизлечимой травме. Знаменитый хирург, психолог Зоя Сергеевна Миронова говорила: «Травма – это «вдруг». Вдруг разорванная цепь представлений, привычек, интересов. Вдруг потерянная скорость, вдруг прерванный бой, вдруг прекращенная игра... Вдруг, а не посте-

пенно. У людей прервался не просто ритм их повседневного существования. Прервалось утоление жажды. Жажды увлеченности и страсти... Да зачем им жизнь, если нельзя слиться с музыкой, скоростью, с небом?»

Вот так и окончание великой спортивной карьеры: вдруг – и все.

Санеев даже не предполагал, что прощание окажется таким мучительным.

Тренировки пришлось прекратить сразу. Ему было больно даже просто ходить, не говоря уже о беге или прыжках. Особенно трудно было садиться на низкий стул или, того хуже, в кресло, и он предпочитал стоять или лежать, чем сидеть.

Но прошло время, и организм, привыкший к ежедневным нагрузкам на протяжении 25-ти лет, начал

Трудный вид легкой атлетики...

требовать тренировок. Конечно, Санеев делал зарядку, но эта нагрузка была для него слишком смехотворной. Свободного времени хоть отбавляй – у Виктора отпуск. Бродить по квартире стало невмозможу... Санеев начал заглядывать на стадион, смотрел, как тренируются бывшие коллеги, у которых, к счастью, хватало такта и деликатности не приставать к великому спортсмену со словами сочувствия или непрошеными советами.

Он перебирал в памяти имена чемпионов, которые простились с большим спортом, – кто-то сам заканчивал карьеру, кого-то подводило здоровье. Казалось, что их страница перевернута. Но они возвращались. Например, хоккеист Вячеслав Старшинов, двукратный олимпийский чемпион, закончил карьеру в 1972 году, а спустя шесть

лет вернулся в родной «Спартак», отыграл за него один сезон и стал бронзовым призером сезонного первенства. Футболист Эдуард Стрельцов, олимпийский чемпион, отсидел в тюрьме пять лет по сфабрикованному делу, спустя два года после освобождения ему разрешили снова играть в футбол. Он стал чемпионом страны, дважды его признали лучшим футболистом СССР. А хоккеист Константин Локтев? А метательница копья Эльвира Озолина?

Правда, напоминал себе Санеев, возвращения были недолгими и не очень яркими – эти спортсмены уже не блистали так, как в прошлые годы, и довольно скоро окончательно уходили из спорта.

Да это и закономерно. Вот, например, что пишут сотрудники французского Института биомедицинских и эпидемиологических исследова-

ний спорта (IRMES) Жоффруа Берто и Стефан Лин: «После 30 лет происходит неизменный спад в спортивных результатах. В большинстве дисциплин побороть физиологию невозможно – организм просто перестает отвечать высоким нагрузкам. Пик формы для легкой атлетики приходится на границе 26 лет, пловцов – 21 года, а лучшие результаты в шахматах достигаются до 31 года».

Тем временем отпуск закончился, и Санеев приступил к новым обязанностям. Ему предложили должность в республиканском совете общества «Динамо», связанную с работой с молодыми спортсменами, представителями разных видов спорта, не только с легкоатлетами. Напомним, с 1972 года он жил и тренировался в Тбилиси, а после окончания Института физкультуры работал в одном из подразделений «Динамо».

Валерий Обидко, мастер спорта, многократный чемпион Грузии по прыжкам в длину, бронзовый призер Кубка СССР, рассказывал: «В 1981 году моим тренером стал Виктор Санеев, который отошел от большого спорта после Московской Олимпиады. До конца моей спортивной карьеры я тренировался у него. Всем нам, его ученикам, было с ним хорошо. Он не был очень требовательным, но сам факт того, что я занимался у легенды, не позволял тренироваться вполсилы».

А боль в коленях понемногу утихла, и Виктор начал совершать небольшие пробежки, выполнять упражнения со штангой. Наконец,

настал день, когда он попробовал прыгать. Несколько легких прыжков, десяток скачков в яму... Огляделся, а вокруг уже собрался народ. «Ну, все, – понял он, – теперь пойдут разговоры, что Санеев снова начал тренироваться». И точно – он еще не успел дойти до дома, как жене сообщили эту «новость», и она встретила Виктора жестким вопросом: «Это правда, что ты решил выступать за Грузию на Спартакиаде в 83-м?»

Санеев не хотел обманывать и промолчал, потому что действительно подумывал о возвращении в спорт. Он рассчитывал понемногу тренироваться, чтобы выступить на Спартакиаде – прыгнуть за 16 м, и все.

Но тут Татьяна, у которой вообще-то очень мягкий характер, встала намертво – она не хотела даже слышать о том, чтобы муж вернулся в спорт. Резкий разговор окончился ссорой. Конечно, супруги сразу же помирились. Но мечты о возвращении Санеев оставил. Навсегда.

С сыном Александром
и супругой Татьяной

ПРЫЖОК ТРОЙНЫМ ДО СИДНЕЯ

«Вите Санееву не повезло. Он стал инвалидом. Ноги отказали. Живет в Австралии, в нищете. Страна о нем забыла!». Так рассказывал в одном из недавних интервью бывший товарищ Санеева по сборной страны Михаил Барибан.

Перепуганные журналисты кинулись звонить в Сидней.

«Что-что? – переспросил Виктор Данилович. – Барибан говорит, у меня ноги отказали? Вот только что я пришел домой на своих двоих. Садам занимался, у меня там лимо-

ны растут, мандарины, грейпфруты, авокадо. Как-никак, разбираюсь в этой теме. Очень хороший урожай в этом году. А запахи – как в сухумском детстве... Да, поразбился за свою спортивную жизнь. Пять операций перенес, два тазобедренных сустава заменил. Так это и неудивительно. Я как-то подсчитал, что за 20 лет напрыгал четыре тысячи километров. До сих пор себя спрашиваю: где силы взял для четырех Олимпиад? Не знаю... Наверное, природа дала. Плюс дисциплину всегда держал. Да и потом, я же удовольствие получал от прыжков. Даже просто от тренировок. Думаю, что если человек не любит свое дело, то ни талант, ни гонорары не помогут. Да и не было у нас таких сумасшедших призовых, как сейчас. И что говорить про деньги! Вот я вам сейчас хоть десять миллионов дам, вы все равно не прыгнете!»

...В начале 1990-х Санеев никак не мог найти себе работу в легкой атлетике на родине. В Грузии – во-

В аэропорту Сиднея. 2009

йна. В стране не было ни света, ни тепла, ни хлеба...

И тут его пригласили в Австралию на конференцию по легкой атлетике, после которой он должен был провести серию тренировок во всех крупных городах страны.

Оказавшись в Сиднее, Санеев всерьез задумался о будущем. Обстановка в Грузии ухудшалась день ото дня, и он решил, что лучше все-таки остаться в Австралии и найти работу.

Было время, когда трехкратному олимпийскому чемпиону пришлось развозить пиццу. «Ну и что? – спокойно говорит Санеев. – Любая работа уважаема».

В какой-то момент стало настолько тяжело в материальном плане, что Виктор решил продать свои олимпийские медали и дал объявление в газету. Покупатель нашелся моментально, оценил три олимпийских «золота» в пять тысяч долларов. Еще чуть-чуть, и ударили бы по рукам, но Санеев опомнился: «Ну что такое деньги? Мы их попросту проедем. А медали – это вся моя жизнь».

И тут, к счастью, ему предложили работу учителя физкультуры в колледже Святого Иосифа в пригороде Сиднея Хантерс-Хилл. Очень скоро его ученики стали показывать высокие результаты на межшкольных соревнованиях. Затем Санеев стал тренером по прыжкам в длину и тройному в Институте спорта Нового Южного Уэльса в Сиднее.

Понимали ли ученики, кто их тренирует? «Не думаю, – считает Вик-

Мастер-классы в Сингапуре.
Справа от Виктора Санеева –
Валерий Обидко

тор Данилович. – Легкая атлетика не пользуется в Австралии большой популярностью. Не только в Австралии, но и во всем мире. Это не такой коммерческий вид спорта, как другие. К тому же, чтобы достигнуть здесь серьезных результатов, надо очень много тренироваться. И иметь огромное желание быть легкоатлетом. В Австралии все помешаны на плавании, регби и теннисе. Нелегко было сколотить группу ребят, увлечь их прыжками. Но двух призеров чемпионата страны мне подготовить все же удалось».

«Мы часто созваниваемся, – рассказывает ученик Виктора Санеева, тренер по легкой атлетике Валерий Обидко. – Порой встречаемся. В 2006 году я напомнил руководству Спортивной школы Сингапура, где тогда работал, о великом Санееве и предложил пригласить. В течение двух недель он проводил у нас мастер-классы. А в 2009 году я повез своих ребят на соревнования в Австралию. Как раз через Сидней. У

Приз «Лучший спортсмен Грузии XX века». Сидней. 2000

нас было пять часов транзита. Санеев живет в 11 километрах от аэропорта. Он встретил меня вместе с сыном Сандриком и забрал к себе домой. Супруга приготовила грузинский стол. Посидели, замечательно поговорили. Настроение у Виктора Даниловича – отличное. Лимоны выращивает у себя на участке. Это и понятно – сухумец, да еще и Институт субтропического хозяйства окончил!»

Сейчас Виктор Санеев уже на пенсии. Ведет здоровый образ жизни, ежедневно тренируется. Прочно держит постоянный вес – 78 кг. Ухаживает за своим садом. Сын Сандро работает учителем в школе, супруга Татьяна – по своей специальности, она отличный психиатр.

«Конечно, я скучаю по Грузии, – не скрывает Санеев. – Это моя родина, я там родился и вырос. Моя мама там всю жизнь прожила... Скучаю по Сухуми, по Тбилиси... Добрые соседи, относившиеся к нам, как к родственникам. Изнурительные многочасовые тренировки. Белая «Волга» «ГАЗ-24», купленная на первые приличные призовые, и подарок тбилисских гаишников, выдавших номера с дорогими для меня цифрами: 17-39... Но судьба распорядилась так, что я живу в Австралии. Человеку непременно надо заниматься делом. Спортом, хозяйством – что можешь, то и делай. Вот я и делаю».

«РОДИНУ ЗАБЫТЬ НЕВОЗМОЖНО»

В 2005 году легендарного соотечественника чествовали в Грузии – по приглашению президента Олимпийского комитета Грузии Бадри Патаркацишвили свое 60-летие Виктор Санеев отметил в Тбилиси.

Приезд Виктора Даниловича совпал с праздником «Тбилисоба», который обычно проводится в третьей декаде октября. В эти осенние дни к многочисленным спортивным наградам чемпиона добавилось звание Почетного гражданина Тбилиси. Президент страны Михаил Саакашвили вручил Виктору Санееву папорт гражданина Грузии и признал-

ТБИЛИСИ. ОКТЯБРЬ 2005 ГОДА

С Бадри Патаркацишвили

У Джано Багратиони

С Михаилом Саакашвили

С Ноной Гаприндашвили

В кругу старых друзей

С супругой Татьяной

ся, что всегда хотел быть похожим на него, а Бадри Патаркацишвили передал юбиляру чек на 50 тысяч долларов.

Из большого списка юбилейных мероприятий – приемов, встреч, посещений – самым волнующим стал праздничный вечер 29 октября в Тбилисском академическом театре оперы и балета имени Захария Палиашвили, на котором Виктора Санеева поздравляли выдающиеся спортсмены и деятели искусства, политики и бизнесмены, гости из 14 стран.

На праздник к коллеге и другу прилетели Сергей Бубка, Валерий Борзов, Яак Уудмяэ, Лариса Попова...

А потом Санеев опять улетел в Сидней...

Конечно, ностальгическая тяга

Проводы в тбилисском аэропорту. До новых встреч!

к родине не прошла, но... Как признается сам Виктор Данилович, «если я вернусь, то мне придется начинать новую жизнь. А я ее уже столько раз начинал... После окончания спортивной карьеры – новая жизнь. После переезда в Австралию – вторая жизнь. Сейчас уже третья, наверное, идет... Когда я выступал за Советский Союз, меня звали: «Эй ты, грузин!» Такое обращение доставляло мне удовольствие, хотя я родился в Сухуми, а родители мои – русские. Даже сейчас, когда в Австралии меня спрашивают, откуда я родом, отвечаю, что из Грузии. Невозможно забыть о своей родине, и я считаю, что я – грузин, и представляю Грузию за рубежом».

ТАК ГОВОРИТ САНЕЕВ

Это произошло 2 ноября 2020 года. При добром посредничестве Зинаиды Санеевой нам удалось связаться с Виктором Даниловичем по телефону и поговорить лично. Разговор предстоял не самый простой – ведь Санеев за долгие годы дал десятки, если не сотни, интервью. Уже не осталось вопросов, на которые он бы не отвечал!

В Тбилиси – 14 часов. В Сиднее – девять часов вечера. Два гудка, и в трубке раздается молодой и энергичный голос. Не скрою, автору этих строк стоило больших усилий спра-

виться с волнением, ведь выпало счастье разговаривать с настоящей (а не выдуманной или созданной) легендой.

– Виктор Данилович, работая над этой книжкой, я прочла, пожалуй, все ваши интервью, множество статей, две ваши книги – «Ступени к пьедесталу» и «Четвертая вершина», книгу Витольда Креера «Ищу единомышленников»...

– Минутку. С Креером, честно говорю, я не был связан очень тесно. Он курировал меня в сборной страны, но я брал пример с великих спортсменов. А то некоторые думают, что Креер – это все, а я – ничто...

– Да что вы! Я не встречала ни одного человека, который бы так считал. «Все» – это Санеев, и это известно всем. Как сегодня складыва-

ется ваша повседневная жизнь?

– Если говорить о дне сегодняшнем, то я живу жизнью обычного человека, который давным-давно забыл, что когда-то был чемпионом.

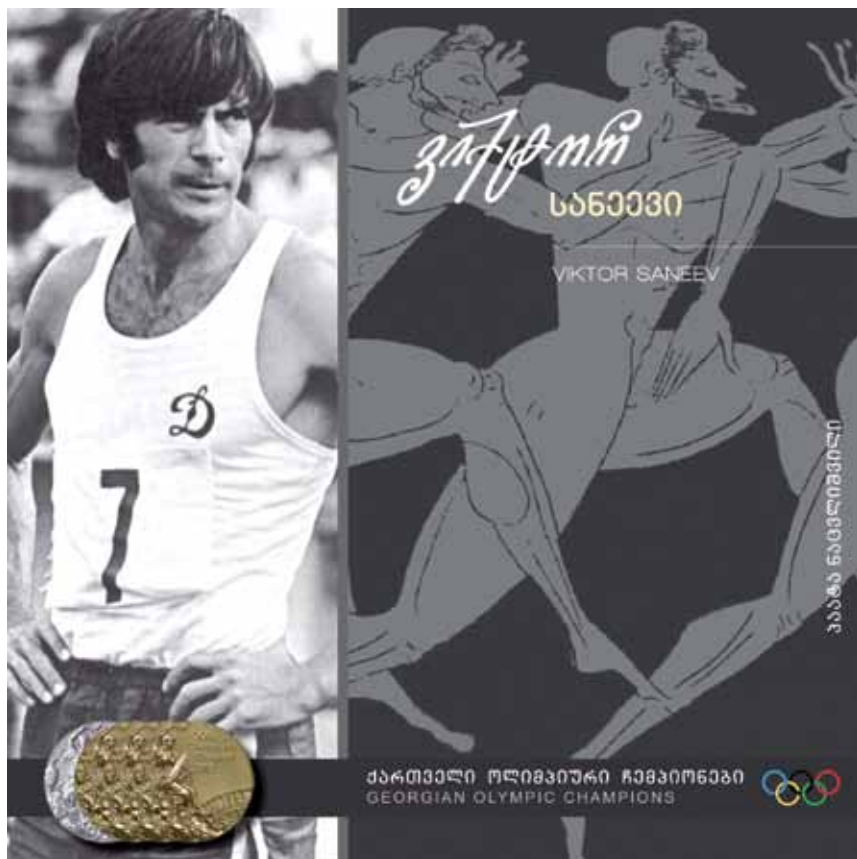
– Как это грустно слышать...

– Да нет, это не грустно. Это просто жизнь. Я же не артист в каком-нибудь театре. Я был нормальным спортсменом, который стал выдающимся. И никогда не считал себя

героем, гордостью страны, как меня часто называли после того, как я стал олимпийским чемпионом.

– Вы как-то сказали, что настоящий герой – ваша мама...

– Да, она действительно герой по жизни. Но не дай бог никому такого геройства. Вы представить себе не можете, какую жизнь она прожила. Да... Если сравнить: как сложилась ее судьба и как – моя... Наверное,

так было угодно Богу, я не знаю.

– Видимо, у вас все случилось благодаря не только Богу, но и вашему великому трудолюбию. Не говоря уже о таланте.

– Я про себя никогда не думал, что я талантлив, и понимал, что мне нужно очень много трудиться – по сравнению с теми, кого я считал очень талантливыми.

– Трудились и побеждали.

– А я вообще не считал, что должен кого-то побеждать. Самым главным для меня было победить себя.

– Тренировались с удовольствием?

– Всегда трудно начать. А если начал, то потом все делаешь с удовольствием. Мне никогда не надоело тренироваться, и никто меня не заставлял.

– Это не преувеличение, что вы тренировались даже в день рождения, первого января и в день свадьбы?

– Нет, не преувеличение. Я могу сейчас позвать к телефону мою супругу, и она подтвердит, что это чистая правда.

– Вы и сейчас поддерживаете себя в форме?

– Могу рассказать, что я делал сегодня. У меня на участке стоит огромный грейпфрут – высотой пять метров, шириной – четыре. А вокруг, на площади примерно десять на десять метров, растет трава. Но не очень ровно. Тут земля какая-то подвижная, все время куда-то сдвигается. А я хочу, чтобы было ровно. И вот сегодня я притащил к себе на участок 30 килограммов земли и выравнял почву. Мелкая работа, но

Полет тройным

непреренно надо чем-то заниматься, не сидеть без дела. А вот если пойдет дождь, чем тогда заниматься?

– Слушать джаз.

– О, это правда, я очень люблю классический джаз, у меня много кассет с записями.

– Ваш ученик Валерий Обидко рассказывал, что вы не раз проводили серию мастер-классов в Сингапуре, например. А проводите ли вы сейчас мастер-классы, консультируете?

– Конечно, иногда у меня просят консультации, и я провожу их безвозмездно. Но я вам так скажу: все это не имеет никакого значения, если сам спортсмен не любит страстно легкую атлетику и не трудится, как одержимый.

– Опять мы возвращаемся к труду... В этом и состоит главный «секрет Санеева», который все так стараются узнать?

– Да. Но только не глупый труд. Надо работать не как дурак, а с умом, интеллектом.

– Знаете, я никак не могу избавиться от волнительного ощущения, что разговариваю с легендой.

– Я никогда не считал, что я такая уж легенда.

– Такая, такая...

– Да кто меня сейчас помнит настоящему? Только старшее поколение...

– Уверю вас, вы заблуждаетесь.

– В 1980 году, когда я вернулся в Тбилиси после Московской Олимпиады, меня никто не встречал.

– Не может быть!

– Так было. Сел я в такси и поехал к себе на улицу Палиашвили, 24...

– Простите, а разве вы жили не в Дигомском массиве?

– Между прочим, это интересно. Сначала я жил в районе Дигоми – поближе к Сухуми. Потом отъехал от Сухуми подальше – в тбилисский район Дидубе. И наконец переехал в центр Тбилиси – в Ваке, на Палиашвили... Так вот, подъехали мы к дому, я протягиваю таксисту деньги, а он не берет. И с чувством говорит: «Дорогой, дорогой, спасибо тебе, что ты – такой человек!»

– Вот это я понимаю!

– А когда я приехал в Тбилиси на свое 60-летие, помню, мы шли на встречу в Олимпийский комитет, и вдруг какая-то женщина посмотрела на меня, потом охнула и потеряла сознание.

– А вы говорите – «не легенда»! Мне кажется, что когда вы приедете в Тбилиси, я тоже упаду в обморок от восторга.

– Нет, нет, падать не надо!

– Надеюсь, меня поднимут. Виктор Данилович, что бы вы сказали тем читателям, которые сейчас держат в руках нашу книжку?

– Труд и вера в себя – это самое главное. Будьте здоровы, и пусть дело, которым вы занимаетесь, всегда будет для вас в радость. А если вы занимаетесь спортом, то делайте это с легкостью, пусть эти занятия будут как бы игрой.

– Кстати, ваш первый тренер Акоп Керселян был «легким» тренером...

– Так ведь это самое главное –

С олимпийским золотом

легкость! Керселян был обычным учителем физкультуры. Но очень хорошим педагогом. Просто замечательным. Он не понимал, что такое большой спорт. Может, это и хорошо... А я – понимал. В Леселидзе я наблюдал, как тренируются большие спортсмены. Из Гантиади каждые субботу и воскресенье шел пять километров до комплекса в Леселидзе и смотрел на Валерия Брумеля, Игоря Тер-Ованесяна. Юрия Власова видел. Это были великие уроки. А еще я читал правильные книги. И работал каждый день.

– Спасибо огромное, что уделите нам время. Мы не теряем надежды на встречу, и могу сказать, что делаем все от нас зависящее, чтобы эта встреча состоялась.

– Спасибо вам. Надеюсь, что книжка у вас получится хорошая.

– До встречи!

ИСТОЧНИКИ

Виктор Санеев. Четвертая вершина. Москва, 1984 г.

Виктор Санеев. Ступени к пьедесталу. Москва, 1976 г.

Витольд Креер. Ищу единомышленников. Москва, 1973 г.

Евгений Чен. Тройной не шутка... Журнал «Легкая атлетика», N2, 1973 г.

«Секрет Виктора Санеева», документальный фильм, 1976 г. Гостелерадиофонд России.

Арсен Еремян. Наш человек в Австралии. Журнал «Русский клуб», N3, 2005 г.

Виктор Санеев: «В Австралии пришлось подрабатывать развозкой пиццы». Интервью Арчила Бежанишвили для газеты «Собеседник», 2006 г.

Нина Зардалишвили. А вы тройным летать могли бы? Журнал «Русский клуб», N12, 20012 г.

Мария Воробьева. «Секрет последней попытки прост – я ее воспринимал как первую». Р-Спорт, 03.10.2014

Борис Валиев. Как «Олимпийца СССР номер один» приравнили

к новозеландскому безработному. «Советский спорт», октябрь 2015 г.

Виктория Хесина. Прыжок в 4000 км. Еженедельник «Аргументы и факты», N26, 2015 г.

Альберт Стародубцев. «Чудо, что я еще живой». Интервью ТАСС. 8 ноября 2018 г.

Виктор Санеев: «Никогда не любил больших кабинетов...» Портал Pressball.by. 13 марта 2020 г.

«На все времена». Портал Pressball.by. 12 марта 2020 г.

«Олимпиада-80 – праздник всего СССР». Видеоинтервью с Виктором Санеевым. «Россия-24», 26 июля 2020 г.

Александр Говоров. «Все пропало политикой». Портал www.championat.com 3 октября 2020 г.

Легенда 17.39 отмечает 75-летний юбилей. Портал Всероссийской Федерации легкой атлетики. 3 октября 2020 г.

Трехкратный в тройном. Одному из самых титулованных легкоатлетов мира Санееву 75 лет. ТАСС, 2 октября 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

«ИМЕНА ЧЕМПИОНОВ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР...»	5
«ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ ЗАСЛУЖИВАЕТ ИМЕННО ОН»	6
КАК СТАНОВЯТСЯ НАСТОЯЩИМИ СПОРТСМЕНАМИ	10
ТРЕНЕРСКИЙ ДУЭТ	20
«БОЛЬШИМИ СПОРТСМЕНАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ, А СТАНОВЯТСЯ»	23
МЕХИКО-1968	27
«ЗАБУДЬ, ЧТО ТЫ ЧЕМПИОН»	33
С ПЕРВОЙ ПОПЫТКИ	38
МОНРЕАЛЬ-76	43
ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР	48
ТРУДНОЕ ПРОЩАНИЕ	53
ПРЫЖОК ТРОЙНЫМ ДО СИДНЕЯ	56
«РОДИНУ ЗАБЫТЬ НЕВОЗМОЖНО»	58
ТАК ГОВОРIT САНЕЕВ	61
ИСТОЧНИКИ	66

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეშარტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მათე საუკუნეში იღებს – უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრენიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად – „გრუზინი“, ახლა – ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით – მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ – რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

При финансовой поддержке: **РОССОТРУДНИЧЕСТВА**

НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
**А ВЫ ТРОЙНЫМ ЛЕТАТЬ
МОГЛИ БЫ?**
ВИКТОР САНЕЕВ

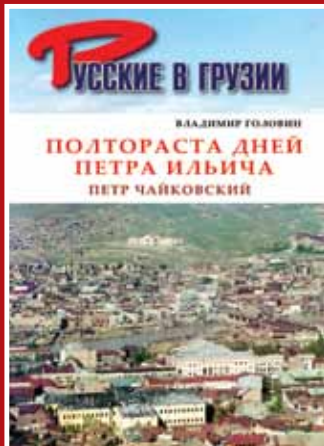
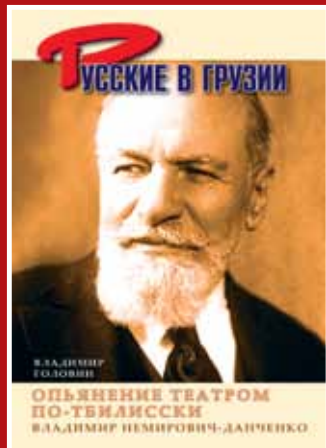
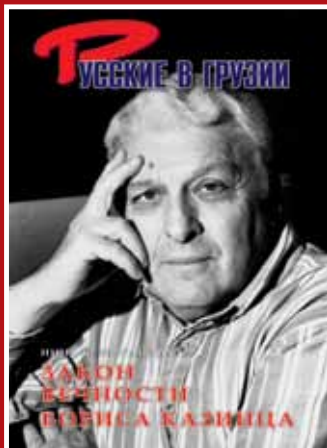
Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ

Использованы архивные материалы и фотографии из открытых источников

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Шадури-Зардалишвили Нина – филолог, литературовед, журналист. Заведующая литературной частью Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Член редколлегии журнала «Русский клуб». Член Союза писателей Грузии. Лауреат Национальной премии «Золотое перо Руси» за книгу «Высоцкий в Грузии» (издательство «Либрика», Россия). Автор статей по теории литературы. Участник ряда международных конференций по вопросам русской филологии. Автор, соавтор, со-ставитель, редактор более 20-ти художественных, научных, публицистических и популярных изданий.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) – грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира – как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» – всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых – ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Русские в Грузии», «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

